

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

(НИУ «БелГУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

КАФЕДРА ЖУРНАЛИСТИКИ

**КУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ
КАК ТЕМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РОССИЙСКИХ СМИ**

(на примере концепта «мигрант» в 2011 – 2017 гг.)

**Выпускная квалификационная работа
на соискание академической степени «магистр»
студентки 2 г/о группы 86001508
направления подготовки 42.04.02 Журналистика
Петряковой Анастасии Александровны**

Научный руководитель

кандидат филологических наук,

доцент С.В. Ушакова

Рецензент

кандидат филологических наук,

доцент С.В. Крюкова

БЕЛГОРОД 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. СПЕЦИФИКА КАТЕГОРИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЗНАНИЯ ..	7
1.1. Общая социально-культурная и социально-политическая ситуация в современной России.....	7
1.2 Средства репрезентации социокультурной информации и ценностей в социуме	14
1.3. Стереотипы как репрезентанты культурно значимой информации и как элемент структуры концепта.....	20
Выводы к Главе I	31
Глава II. ДИНАМИКА СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КОНЦЕПТА «МИГРАНТ» В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ.....	34
2.1. Обзор методологических оснований концептуального анализа	34
2.2. Тенденции развития содержательного наполнения концепта «мигрант» в современных российских СМИ в период с 2011 по 2017 гг.....	40
Выводы к Главе II	55
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	58
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	63
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	69

ВВЕДЕНИЕ

В современном глобальном мире, в котором коммуникация между государствами и народами стала безграничной, активно и непрерывно протекают процессы взаимопроникновения ценностей, одним из факторов которой является миграция населения. В связи со стремительно меняющейся политической и географической ситуацией — вооружёнными конфликтами, стихийными бедствиями, экономическим и демографическим кризисами потоки миграции увеличиваются, и переселенцы из других стран свободно перемещаются с одного континента на другой, принося с собой собственные привычки и картину мира. В связи с этим культурные границы становятся всё более размытыми и актуализируются две противоречивые тенденции — стремление к международной интеграции и стремление сохранить национальную идентичность.

В связи с непрерывно растущим объемом новой информации, облеченной в разнообразные формы и обогащённой неоднозначными оценками, у реципиента нередко возникает когнитивный диссонанс, причиной которого является несоответствие прошлого опыта актуальной ситуации. Для регуляции коммуникации используются своеобразные регуляторы — упрощённые схематизированные модели, называемые культурными стереотипами.

Культурные стереотипы включают в себя устоявшиеся в обществе способы интерпретации характерных особенностей представителей другой культуры — характерных национальных, этнических, религиозных и иных черт, позволяющих отличить «своего» от «чужого». Они редуцируют многомерное содержание незнакомого ранее феномена, в результате чего он становится одним из инструментов социокультурной коммуникации на самом общем, массовизированном уровне. Негативным следствием такого подхода является и упрощённость рекомендаций и решений, обсуждаемых или осуществляемых как властью, так и обществом.

Актуальность нашего исследования определяется тем, что в современном мире культурные стереотипы, транслируемые в современных российских СМИ, оказывают колоссальное влияние на массовое сознание, формируя картину мира и мнения аудитории. Анализ текущего содержания актуальных стереотипов, изучение механизмов их трансформации способствует адекватному пониманию социокультурной ситуации и задач СМИ. Излишне упрощённый и примитивизированный образ представителя другой культуры, транслируемый по каналам массовой коммуникации, может спровоцировать рост социальной напряженности, ксенофобские настроения и межнациональные конфликты, которые являются недопустимыми явлениями в здоровом демократическом обществе.

Теоретическая база работы была сформирована из исследований зарубежных учёных, таких как У. Липпман, Я. Лехтонен, А. Вежбицкой, П. Кайнкконен, М. Кордуэлл, Э. Тейлор, Т.Харрис и др., а также российских исследователей А.А. Баранова, Н.Н. Болдырева, Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева, В.С. Библера, М.М. Бахтина, В.Н. Телия, А.В. Полонского, Е.А. Кожемякина и др.

Объектом исследования является бытование культурные стереотипов в современных российских СМИ в период с 2011 по 2017 год.

Предметом изучения стали способы репрезентации культурных стереотипов в современных российских СМИ на примере развития содержания концепта «мигрант» с 2011 по 2017 год.

Цель настоящего исследования — на основе анализа публикаций с 2011 по 2017 год проанализировать способы языковой репрезентации актуального культурного стереотипа мигранта и описать динамические изменения содержательного наполнения соответствующего концепта в течение изучаемого периода.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- изучить научную литературу по проблематике работы;

- охарактеризовать общую социально-культурную и социально-политическую ситуацию в современной России;
- проанализировать средства репрезентации значимой социокультурной информации в социуме, определить объем содержания понятий «культурный стереотип» и «концепт».
- охарактеризовать стереотипы как формы передачи культурно значимой информации;
- определить методологические основания концептуального анализа;
- выявить динамику содержательного наполнения концепта «мигрант» в современных российских СМИ в период с 2011 по 2017 гг.

Гипотеза исследования строится на предположении о том, что культурные стереотипы являются основной составляющей — функционально-содержательной единицей концепта «мигрант», который трансформируется и меняет свое содержательное наполнение под воздействием происходящих социально-политических изменений. Также мы предполагаем, что данные изменения обусловлены идеологически, так как культурные стереотипы зачастую представляют собой инструмент воздействия на массовое сознание.

Методы исследования, использованные в работе, определяются целью, задачами, характером объекта и предмета исследования и включают в себя:

- историко-культурный метод, который применялся при характеристике общей социально-культурной ситуации в современной России;
- структурно-функциональный метод — при классификации стереотипов и способов репрезентации важной социально-культурной информации;
- описательный метод — при анализе трансформации содержательного наполнения концепта «мигрант» в современных российских СМИ;
- метод концептуального анализа — для определения структуры и содержательного наполнения концепта «мигрант».

Эмпирической базой исследования послужили тексты изданий «Коммерсант», «Известия», «Ведомости», «Комсомольская правда», «Московский

комсомолец», «Аргументы и факты», журналы «Сноб», «Русский Репортёр», «Однако», порталы Newsru.com, «Иносми», «Регнум», РИА Новости, «Лента», «Вести.ру», «РосБалт», TheWillage, прямо или косвенно освещающие тему миграции и мигрантов. Всего было проанализировано 126 текстов.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые предпринимается попытка изучения культурных стереотипов как тематического аспекта российских СМИ через анализ динамических изменений содержательного наполнения концепта «мигрант» в период с 2011 по 2017 годы.

Апробация работы. Отдельные аспекты исследования были представлены на заочных этапах научно-практических конференций. По итогам научно-практической конференции «Органы государственной власти и институты гражданского общества в борьбе с экстремизмом и терроризмом в сфере межнациональных отношений» (Махачкала, 21 декабря 2015 г.) была опубликована статья «Языковая репрезентация образа мигранта в российских электронных СМИ». По итогам Всероссийской научно-практической конференции аспирантов и студентов «Проблемы массовой коммуникации: новые подходы» (Воронеж, 27-28 октября 2016 г.) в научный сборник вошли тезисы «Трансформация концепта “мигрант” в современных российских СМИ». Статья «Динамика развития концепта «мигрант» в современных российских СМИ» была представлена на V международной научной конференции «Культура. Политика. Понимание. Россия в революциях XX века: политические реалии и культурные контексты» (Белгород, 21-22 апреля 2017 г.).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка источников и Библиографического списка.

Глава I. СПЕЦИФИКА КАТЕГОРИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЗНАНИЯ

1.1. Общая социально-культурная и социально-политическая ситуация в современной России

В период перестройки в России началось движение общества от монической системы к плюралистической, от тоталитарного устройства к демократическому, которое завершилось стремительным прорывом и кардинальными изменениями во всех сферах жизнедеятельности государства. В связи с этим изменилась и роль средств массовой информации, которой первоначально отводилась роль только проводника новой политики, средства пропаганды официальной точки зрения, а провозглашенные принципы плюрализма мнений, гласности не могли обеспечить подлинной свободы слова, всестороннего информирования общества.

Августовский политический кризис 1991 года обозначил конец перестройки и начало укрепления в России нового социального, политического и экономического устройства. Распад Советского Союза стал отправной точкой для построения новой государственной политики, а также подчеркнул необходимость новой стратегии дипломатического поведения. Сформировалось новое конституционное право, соответствующее избранному народом курсу на отказ от тоталитаризма и строительство демократического государства.

Демократическое конституционное право вводит сложные отношения между различными политическими группами в русло порядка, обеспечивающего как твердость власти, так и свободу для оппозиции. Развивается Институт гражданских прав и свобод. Современные исследователи, в частности Э.А. Орлова, считают, что в современной России завершается период социального расслоения, предпосылками для активизации которого считается переход от более простой его формы, сложившейся в советское время и культурно закреплённой (в триаде «рабочий класс-крестьянство-интеллигенция») к более сложной модели социокультурной стратификации: экономические реформы 90-х годов прошлого

века привели к выраженному разделению общества на низший, средний и высший класс [Орлова 2005: 17].

Мировая научная целостность, которая сложилась в XX веке, стала началом мировой экономической интеграции, увеличила темпы прогресса и совершенствования производственной культуры. Усиленно интернационализируются народнохозяйственные связи. Появление транснациональных корпораций иллюстрирует этот процесс наиболее ярко. Единые формы организационной культуры, действующей на территории различных стран, являются примером международной экономической интеграции. На долю транснациональных компаний приходится более трети промышленного производства, более половины внешней торговли, почти 80% новой техники и технологий. О нарастании интернационализации жизни современного мира также свидетельствует всеохватывающий характер научно-технической революции, принципиально новая роль средств массовой информации и коммуникации.

Несмотря на развивающуюся интернационализацию, расширение границ и налаживание международных связей, политологи отмечают, что после распада Советского Союза российским правительством не уделялось должного внимания проблемам миграции, политика в этой сфере отличалась непоследовательностью и противоречивостью. Исследователь Т. Бараулина приводит высказывание главы Федеральной миграционной службы и заместителя министра внутренних дел РФ А. Черненко «за последние 10 лет (прим.1999 г.) в России была утрачена управляемость в области миграционных процессов; в результате страна превратилась в «накопитель» незаконных мигрантов» [Бараулина 2005: 56 - 59]. Смена власти послужила началу наведения порядка, было принято новое законодательство, в частности федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002.

Актуальность вопросов миграции в постсоветский период проявлялась еще и в том, что в фокус общественного внимания, в том числе и СМИ, а также

публичных дебатов зачастую попадали проблемы переселенцев. Миграционный поток состоял в большей степени из жителей бывших союзных республик, переселявшихся чаще всего по экономическим и личным причинам, доля вынужденных мигрантов из других государств была крайне малочисленной, но, тем не менее, в условиях ограниченности ресурсов страны-преемницы — жилищных, трудовых, социальных и пр. Проблема стояла остро и для властей и для местных жителей.

В 90-е годы XX века в России начала развиваться и массовизироваться глобальная сеть Интернет. Организовались несколько выделенных каналов на Запад, что активизировало развитие межкультурной коммуникации. Информация стала доступнее, скорости её передачи выше. Информационное поле российских пользователей расширилось в 1994 году с официальной регистрацией национального домена .ru. Как отмечает Б.В. Марков, Интернет обеспечил неслыханный прежде доступ к информации и расширил возможности коммуникации: «Возникает идея виртуального общества, которое, благодаря Интернету, способно преодолеть иерархизм реальной власти. Электронная коммуникация осуществляет полное равенство ее участников и участниц» [Марков 2000: 44].

Появление и распространение в России подключения к сети Интернет расширило границы познания — общедоступность информации как одного из критериев развития демократического общества повлияло на мировоззрение людей. Выразить свою собственную точку зрения по различным социально-значимым вопросам стало гораздо проще, также как и отслеживать российские и мировые новости.

Волна масштабных террористических актов в начале 2000-х годов в России и на Западе, совершённых представителями мусульманских террористических группировок, спровоцировала общественные волнения, внушила в массовое сознание страх перед представителями ислама. Например, столкновения жителей иммигрантских кварталов с местными жителями во Франции в 2003 году,

межэтнические столкновения в Сиднее в 2005 году. Ухудшение отношений между Москвой и Тбилиси, экономическая блокада Грузии вскоре была дополнена развёрнутой в России «антигрузинской кампанией». «Милицейские зачистки», целью которых было найти и депортировать грузин-нелегалов, разоблачение грузинских криминальных элементов, а также массовые антикавказские беспорядки породили ксенофобские настроения, которые вылились в регулярные столкновения националистов с представителями «нерусских национальностей», нападение на прихожан синагоги и разгром Черкизовского рынка в Москве и пр. Военные операции в Чечне и Дагестане политологи назвали «восстановлением величия России», символом которого стал Владимир Путин.

Произошли изменения и в информационном кругозоре россиян, появились новые предпочтения в выборе каналов коммуникации. Журналист Александр Сапун так характеризовал эту ситуацию: «... 2004 — 2006 гг. прошли под знаком «бума блогосферы». Российская блогосфера стала значимым явлением в информационном отечественном пространстве, аудитория некоторых блогов перекрыла тиражи центральных СМИ, а сообщения из них стали влиять на реальный ход событий и умы людей. Блоговые платформы существенно пошатнули статус СМИ как единственного источника информации» (43). Блоги и тематические интернет-сайты составили серьезную конкуренцию официальным средствам массовой информации. Благодаря анонимности коммуникации, Интернет становится площадкой для общественных дискуссий.

Интеграция России в мировую экономику привела к увеличению объемов производства, а, следовательно, проблеме ресурсов, в частности — дефициту дешёвой и квалифицированной рабочей силы. Исследователи отмечают зависимость между вступлением России в ЕВРАЗЭС и увеличением потоков миграции. Институт социально-политических исследований РАН приводит репрезентативные статистические данные: «В 2007 г. численность трудовых иммигрантов в нашей стране увеличилась и составила 1717 тыс. человек. Согласно данным Федеральной миграционной службы (ФМС России),

крупнейшим поставщиком легальной рабочей силы в Россию долгое время являлась Украина, которая обеспечивала сначала около 1/3, а позднее – около 1/4 трудовых иммигрантов. В 2005 г. произошла смена лидера и на первое место вышел Китай – каждый четвертый иностранный работник был родом из этой страны. В 2007 г. появился новый лидер – Узбекистан, на который пришлось более 20% всех трудовых иммигрантов» [Трудовая миграция в России в условиях интеграции: <http>]. Также увеличился поток трудовых мигрантов из Таджикистана. Рост миграционных потоков оказал существенное влияние на развитие социальной напряжённости, усилившейся с наступлением финансово-экономического кризиса в 2008-м году. Высокий уровень безработицы вызвал большую конкуренцию на рынке труда среди россиян и мигрантов из ближнего зарубежья, число которых возросло в том числе и благодаря принятому в 2007 году законодательству, существенно упрощающему процедуры легализации из стран СНГ — в первую очередь для приезжающих на временную работу. В 2010 году социальная напряженность между коренными жителями и приезжими вылилась в массовые беспорядки на Манежной площади в Москве, поводом к которым явились столкновения футбольных фанатов и выходцев с Северного Кавказа и гибель болельщика Егора Свиридова. Это событие по всей стране запустило механизм социальных столкновений коренных жителей и выходцев из кавказских республик.

В 2013 году национальный вопрос приобрёл особую остроту, пусковым механизмом стало убийство Егора Щербакова в одном из спальных районов Москвы - Бирюлёве. Инцидент вызвал заметные общественные волнения, столкновения с участием местных жителей и гастарбайтеров. Как говорилось на сайте «Однако», *«народный сход» войдёт в историю как итог невнимания к нуждам граждан, как ответ на многолетнее «закрывание глаз» на данную проблему»*(1). После происшествия власти ужесточили миграционную политику. В соответствии с заявлением В.В. Путина, необходимыми мерами в национальном

регулировании стали сокращение срока пребывания в стране иностранцев, въехавших без виз, а также запрет въезда в страну гражданам, нарушившим закон.

По мнению экспертов, основным событием в политической жизни России 2014 года стало воссоединение с Крымом, которое повлекло за собой ряд важных последствий. Как отмечает Pravda.ru (47), *«Крым объединил русский мир, вернул России чувство достоинства, чётко показал, кто в мире друзья, а кто враги. БРИКС, ШОС, Евразийский союз, ЕАЭС — эти организации окрепли и сформировались в противовес Западу»*. «Аннексия» Крыма послужила причиной введения экономических санкций со стороны Запада. Одновременно назревал и политический переворот на Украине: приход к власти «Правого сектора», а также провозглашение Донецкой и Луганской народных республик ознаменовали начало новой дипломатической стратегии России. В связи с событиями в соседнем государстве увеличились потоки мигрирующих в Россию украинцев.

К 2014 году сформировался весьма высокий уровень доверия к интернет-источникам, существенно возросла популярность блогов, который потеснили телевидение и печатные СМИ. Блогеры-активисты, активно выражавшие свою политическую и социальную позицию, стали лидерами мнений и получили не только виртуальных подписчиков, но и реальную армию последователей - как правило, легко поддающихся влиянию, аудиторию, которой можно управлять. Контент некоторых блогов, а также высказывания оппозиционеров, размещенные на «свободных платформах», вызывали критику со стороны власти. Осознание властями значимости интернет-коммуникации привело к внесению поправок в закон «Об информации» или так называемому закону «О блогерах», принятому в 2014 году. Законодательный акт фактически приравнял свободных авторов, количество читателей которых превышает три тысячи пользователей в день, к средствам массовой информации, и наложил на блогеров ряд ограничений, среди которых и фильтрация комментариев подписчиков. Таким образом, проявилась тенденция к стремлению государства контролировать возникающие в Рунете потенциально деструктивные идеи.

Важнейшей темой мировой политики в 2015 году, в том числе и российской, становится борьба с международным терроризмом. Начатая Россией в сентябре военная спецоперация по борьбе с «Исламским Государством» в Сирии не обошлась без потерь: среди самых резонансных происшествий — гибель российского бомбардировщика Су-24 при выполнении боевого задания. Эта трагедия породила не только дипломатический конфликт с Турцией, но и вызвала в общественном сознании ряд вопросов, один из самых главных — о целесообразности военной операции. Крушение самолёта «Когалымавиа» в небе над Синаем — крупнейшая авиакатастрофа в истории России, квалифицированная как террористический акт — повлекло усиление ударов по объектам ИГИЛ в Сирии.

Миграционный кризис в Европе, самый крупный со времен Второй мировой войны, поставил под угрозу безопасность принимающих европейских стран. Неконтролируемые потоки беженцев стали рассматриваться как реальная угроза для европейцев. В марте 2016 года президент РФ Владимир Путин на заседании Совета Безопасности, в своем заявлении, посвящённом вопросам совершенствования государственной миграционной политики в интересах обеспечения национальной безопасности, заявил, что «нелегальные каналы миграции пытаются использовать в своих интересах преступные группировки, зарубежные спецслужбы, а также эмиссары международных экстремистских, террористических организаций. Эти попытки необходимо жёстко пресекать...».

Отчитываясь о результатах работы в 2015 году, председатель Правительства России Дмитрий Медведев выступил с критикой европейской миграционной политики: «Это было на самом деле безответственное поведение европейских политиков и руководства Европейского союза, причём безответственное не только перед гражданами Европейского союза (...), а безответственное отношение к судьбам всей Европы. А мы — европейская страна» [Гришин 2016: 15].

Таким образом, в этот период наблюдается противопоставление миграционной политики России, нацеленной на ограничение миграционных

потоков и жёсткое регулирование въезжающих на территорию страны с одной стороны и миграционной политики европейских государств, не способных защитить права собственных граждан с другой.

Современную ситуацию в России можно охарактеризовать как крайне сложную и противоречивую. С одной стороны, всесторонняя демократизация, плюрализм и стремление к международной интеграции ограничивается стремлением сохранить национальную идентичность, следовать принятым ранее культурным установкам, национальным воззрениям и моральным нормам. Рост экономики, высокая конкурентоспособность российских научных разработок, сверхсовременные средства вооружения, успешные военные операции, а также имидж глав государства, формируют образ России как сверхдержавы, страны, привлекательной для мигрантов. Но в то же время случившиеся военные столкновения, террористические атаки, экономический кризис сформировали в общественном сознании ряд стереотипов о представителях другой культуры, которые существуют и в настоящий момент. Развитие средств массовой информации, массовизация интернет-медиа послужили стимулом к развитию общественной дискуссии, стали площадкой для продвижения новых идей, в том числе и оппозиционных.

1.2 Средства репрезентации социокультурной информации и ценностей в социуме

Современный мир, стремительно меняющийся под воздействием происходящих социальных, политических, экономических и географических изменений, порождает большой поток новой информации, которую обществу необходимо воспринять и декодировать.

Язык является одним из важнейших средств формирования и существования знаний о мире — в процессе своей деятельности человек фиксирует в слове объективные сведения об окружающей среде. Совокупность

этих знаний, облеченная в языковую форму, представляет собой своеобразную языковую картину мира, которая опирается на картину мира культурную. Понятие «культурная картина мира» принадлежит Паули Кайнкконен, который определяет её как «совокупность родной культурной среды, родного языка, ценностей и норм, входящих в родную культуру и чужой культурной среды, чужого языка и чужих ценностей и норм» [Kaikkonen 1999: 17-29]. Таким образом, картина мира представляет собой систему образов и смыслов. Важное место в структуре картины мира занимают идеологемы, концепты и стереотипы, которые репрезентируют важную социокультурную информацию. Эти когнитивные единицы находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, и в то же время обладают собственными специфическими особенностями, поэтому необходимо их разграничить.

М.М. Бахтин определил идеологему как экспликацию, как способ репрезентации той или иной идеологии [Бахтин 1975: 123]. Е.Г. Малышева, под идеологемой как таковой понимает единицу неязыкового порядка, единицу концептуальную, которая объективируется разного рода феноменами языковых уровней [Малышева 2009: 76-86]. Лингвистическое определение идеологемы даёт Н.А. Купина: «Идеологема — мировоззренческая установка (предписание), облеченная в языковую форму». Как отмечает Е.Г. Малышева, в современной лингвистической науке сформировалось относительно устойчивое представление об идеологеме как о вербальной единице, которая репрезентирует базовые идеологические установки и ценности. Их основной функцией является внедрение в массовое сознание системы идеологических доминант. По мнению исследователя, идеологема как ментальная единица характеризуется национальной специфичностью, динамичностью семантики, повышенной аксиологичностью, частотностью и разнообразием способов репрезентации знаками различных семиотических систем, в том числе и языковой. Одним из способов её языковой реализации является употребление вербальных маркеров идеологемы – ключевого слова, клише, устойчивых метафор и пр. По мнению

учёных, идеологемы репрезентируются не только в базовых дискурсах (идеологическом, политическом, информационно-массовом, публицистическом), но и в других типах дискурсов: рекламном, спортивном, учебном, научном, религиозном, развлекательном, бытовом...

Е.Г. Малышева определяет идеологему как «универсальную мыслительную, когнитивную единицу идеологической картины мира, которая объективируется в тексте и шире – в дискурсе языковыми единицами различных уровней и знаками других семиотических систем» [Малышева2009: 34].

Идеологемы называют своеобразными символами или маркерами времени, так они отражают ориентиры, установки и настроения, бытующие в обществе на том или ином этапе его развития. Идеологемы оказывают существенное влияние на мировоззрение общества — они могут формировать образ национальной политики, государства и конкретного лица. Например, частотное употребление идеологем «демократия», «гласность» характерно для постперестроечной прессы. Это обусловлено политической ситуацией, необходимостью закрепить в массовом сознании новые политические векторы. Одной из функций идеологем является формирование стереотипов и ценностных аксиом, которыми детерминировано мышление и поведение людей. Идеологемы укрепляются в обществе с помощью стереотипов, которые в свою очередь являются функциональными единицами, входящими в состав концепта как широкого когнитивного образования.

Термин «концепт» впервые в отечественной науке был употреблён в 1928 году С. А. Аскольдовым-Алексеевым. Он определил концепт как мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределённое множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода Д.С. Лихачёв определял концепт как «результат столкновения усвоенного значения с личным жизненным опытом говорящего» [Лихачёв 1997: 280–287]. В. И. Карасик характеризует концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик 2002:59]. М.В. Пименова отмечает: «*Концепт – это*

представление о фрагменте мира» [Пименова 2006:8]. Ю.С. Степанов трактует концепт как «явление того же порядка, что и понятие. Концепт – это сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, это тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают слово» [Степанов 1997: 8]. Концептами возможно не только мыслить, их можно переживать. Они являются предметом эмоций. С помощью концептов человек входит в культуру и влияет на нее. Таким образом, можно сказать, что концепт представляет собой набор представлений о фрагменте мира.

Существует множество определений концепта, и одной из наиболее распространённых является дефиниция, предложенная Е. С. Кубряковой, в соответствии с которой концепт — это «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания» [Кубрякова 1996: 90]. В широком смысле, концепт представляет собой определённую идею или понятие, отличающееся высоким уровнем абстрагированности, нечеткости — схематичную раму из выделенных признаков, которая наполняется образами и оценками в зависимости от ситуации. Основываясь на оперативности, актуальности и субъективности концепта, лингвокогнитологи делают вывод о том, что в концепте отражается «один или несколько, любые, не обязательно существенные, признаки объекта» [Болдырев 2001: 24].

По мнению Токарева, *«признак актуальности концепта наиболее чётко проявляется, когда разные люди неодинаково интерпретируют один и тот же смысл: то, что для одних актуально, для других может оказаться второстепенным»* [Токарев, 2003, 62]. Например, актуальный концепт «мигрант» в сознании разных членов общества, в зависимости от личных и общественных установок, широты кругозора, уровня образованности, политических настроений и пр., может наполняться разнообразными смыслами, ср., например, «опасность», «доступная рабочая сила», «азиаты», «эмигрирующие интеллигенты» и пр. И если

концепт представляет собой определённую идею, то образами-представлениями, наполняющими его, чаще всего являются стереотипы, бытующие в обществе.

В научном сообществе существует мнение и о том, что по своей сути концепт представляет все, что известно об объекте. В концепте отображаются не только важнейшие черты, а весь спектр знаний и представлений об объекте, существующий в определённом языковом коллективе [Телия 1996: 96]. Объем и структура концепта разнятся у отдельных носителей языка, так как он зависит от индивидуальных особенностей развития, мышления, уровня образованности и культуры, а также ряда других факторов. Таким образом, концепт подразумевает всю содержательную многоаспектность понятия, богатство ассоциаций и представлений, связанных с ним в национально-языковой картине мира. З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают, что *«концепт определяется как дискретная, объемная в смысловом отношении единица, единица мышления или памяти, отражающая культуру народа»* [Попова, Стернин 2001: 115].

На наш взгляд, основным различием двух понятий когнитивного плана — концепта и идеологемы, является то, что концепт включает в свое поле исторические и современные аспекты — социальные и индивидуальные, представления отдельных групп, а идеологема, напротив, характеризуется достаточно общим для всей культуры понятием о том явлении или предмете, который она характеризует.

При изучении двух этих единиц необходимо обратить внимание также и на компонент оценочности. Концепт, безусловно, обладает аксиологическим модусом, но он проявляется не так явно, как у идеологемы, так как может иметь амбивалентный характер — включать в себя одновременно и положительную и отрицательную оценку, которая приобретена в разное время — т.е. на разных этапах формирования концепта. Как отмечает А.Ю. Безродная «отношение к концепту в одной и той же языковой группе может быть неоднозначным, чего не скажешь об идеологеме (наименовании, которое используется только сторонниками определенных политических взглядов, тогда как политические

противники для характеристики тех же реалий предпочитают использовать иные обозначения)» [Безродная 2013: 91]. Как пишет Е.А. Нахимова, идеологемы могут быть как с положительным, так и с отрицательным модусом. Однако их модус со временем может меняться [Нахимова 2011:154].

Указанные различия определяются различными функциям, которым следуют эти единицы. Концепт, выполняющий когнитивную функцию, обладает и настолько же широким значением, и отражает не только индивидуальные, но и коллективные представления. Так как основной функцией идеологемы является функция манипулирования, то есть целенаправленного воздействия на сознания адресата, она представляет обобщенное мнение, зачастую далёкое от истины, подменяющее собой действительность и обладающее повышенной оценочностью. В этом заключается связь идеологемы и стереотипа — нередко идеологемы укрепляются в массовом сознании с помощью стереотипов.

Сам термин «стереотип» достаточно неоднозначен — некоторые исследователи отмечают его расплывчатость и неконкретность [Николаева 2000: 112-131], но данное понятие обладает специфическими чертами, позволяющими выделить его в отдельную функциональную единицу. Понятие «стереотип» в 1922 году в своей книге «Общественное мнение» впервые использовал Уолтер Липпман — известный американский журналист. Он определил стереотип как «упрощенное, заранее принятое представление, не вытекающее из собственного опыта человека» [Липпман 2004: 82, 142, 218]. Само слово «стереотип» заимствованно из сферы типографики, и буквально обозначает монолитную печатную форму или клише, которое используется для печатных машин, то есть — готовый шаблон, существенно облегчающий работу. Таким образом, основная функция стереотипизации заключается в упрощении восприятия чего-либо незнакомого и сложного для понимания.

Обобщая, можно сказать, что стереотип представляет собой значимый фрагмент концепта — максимально минимизированный, схематичный и стандартизированный образ представления, отражает самые общие для массового

сознания черты, запечатлённые в концепте. Отличаются два этих понятия и по объёму — если мы не можем с точностью определить границы концепта, то стереотип — максимально ограниченная и схематичная структура. Также стереотип отличается высоким уровнем точности и конкретности — это своеобразная «картинка», проявляющаяся в стандартных реализациях, несмотря на высокий уровень схематизации изображаемого объекта. Концепт же — сущность максимально абстрактная, основанная на обобщении мыслей, эмоций и оценок, на обобщении тех или иных аспектов культурного опыта.

1.3. Стереотипы как репрезентанты культурно значимой информации и как элемент структуры концепта

В современной науке существует множество исследований, посвящённых изучению значимости стереотипа в репрезентации культурно значимой информации. Вопрос об их полезности или недостатках по-прежнему остаётся дискуссионным. Тем не менее, нельзя не отметить, что стереотипы имеют важную роль в процессе узнавания новых культурных явлений.

По мнению Уолтера Липпмана, автора понятия «стереотип», групповые отношения часто зависят от стереотипов, потому что действия и характеристики соответствующих социальных групп слишком многочисленны и диффузны и не могут быть восприняты непосредственно органами чувств [Липпман 2004: 22 - 89].

Некоторые учёные сходятся во мнении, что стереотипы — это явление не только неизбежное, но и социально опасное. Приведём определение из словаря Майкла Кордуэлла: «Стереотип – жесткое, часто упрощенное представление о конкретной группе или категории людей. Поскольку мы вообще склонны к упрощениям, то формируем стереотипы для большей предсказуемости поведения других людей. Эти стереотипы часто имеют негативную природу и основаны на предрассудках и дискриминации. Стереотипы не обязательно являются ложными;

обычно они содержат некое зерно истины. Их разделяет значительное количество людей, что в целом способствует их укоренению. Стереотипы могут меняться со временем, но их носителям часто бывает трудно избавиться от усвоенных представлений» [Кордуэлл 2000: 42]. Стереотипы формируются в общественном сознании в процессе коммуникации. Как отмечают исследователи, процесс стереотипизации является одной из ключевых черт межгрупповых и межличностных контактов. Стереотип не может сформироваться в сознании человека, изолированного от общества, то есть свободного от воздействия. Отметим, что «реальным носителем стереотипов является группа, и поэтому именно в опыте группы следует искать корни стереотипа. Наиболее известны этнические стереотипы — устойчивые суждения о представителях одних национальных групп с точки зрения других» [Грушевицкая 2002: 19].

Стереотипизация— это не только когнитивный, но и коммуникативный процесс, осуществляющийся в результате социокультурного взаимодействия. В ходе этих процессов люди обмениваются информацией о мире, друг друге, чужих культурах, которая с течением времени может стать устоявшимся образцом поведения.

Автор понятия определяет стереотипы как «предвзятые мнения, которые решительно управляют всеми процессами восприятия. Они так маркируют определенные объекты, как знакомые, так и незнакомые, что едва знакомые кажутся хорошо известными, а незнакомые – глубоко чуждыми». По мнению У. Липпмана, общество, находясь в плену стереотипов, не способно принимать самостоятельные и взвешенные решения, следовательно – это нежелательное для демократии явление [Липпман 2004: 19 - 89].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что стереотипы несут в себе открытую оценочность, так как являются продуктом субъективным, но, тем не менее, имеют ряд функций, имеющих большое значение для массовой коммуникации.

Среди них в качестве ключевых можно выделить следующие:

- способность объяснять мотивы поступков человека из другой среды, с помощью готовой упрощённой информации о его культурных особенностях;
- формирование стандартов и моделей поведения;
- конструирование основ собственного поведения по отношению к другим с опорой на существующие стереотипизированные модели поведения;
- защита собственной национальной и социальной культуры — обычаев, традиций, своей группы от внешнего, губительного для идентичности, воздействия;
- обеспечение стабилизации и интеграции взаимоотношений между социокультурными группами в условиях глобального мира.

Стереотипы значительно упрощают восприятие мира, защищают личные интересы и интересы той или иной социокультурной группы, но в то же время, делают картину мира примитивной и опасно обобщённой, образ представителей других культурных слоёв слишком размытым. Исследователями было отмечено, что зависимость между культурной принадлежностью и приписываемыми ему чертами характера чаще всего не является адекватной. Это объясняется тем, что представители разных культур обладают разным видением мира, различными моральными и социальными установками, поэтому часто коммуникация между ними является неэффективной. Стереотипы в этом случае лишь способствуют разделению, отдалению представителей разных культур друг от друга. Эффективность стереотипа возможна лишь в том случае, когда он воспринимается не как единственно верная информация, а «как первая и положительная догадка о человеке или ситуации» [Грушевицкая 2002: 32].

В современной науке существует множество способов классификации и определения различных групп стереотипов в зависимости от аспекта классификации.

Н.В. Сорокина среди прочих способов предлагает классифицировать стереотипы по объекту стереотипизации и делит стереотипы на антропостереотипы (относящиеся к человеку), событийные стереотипы и

предметные стереотипы. Под антропостереотипами исследователь понимает группу стереотипов, относящихся к человеку. В свою очередь, автостереотипы в понимании ученого делятся на стереотипы персоналий и социальные стереотипы, которые включают гендерные, национальные, этнические, политические и прочие подтипы стереотипов [Сорокина 2015: 20 -31].

На наш взгляд, классификация Сорокиной по объекту стереотипизации является возможной, но не в полной мере, соотносящейся с предметом нашего исследования, так как в классификации отсутствует группа культурных стереотипов. Обзор теоретических исследований показал, что в трудах современных исследователей это понятие предстаёт весьма размытым, что затрудняет процесс исследований в этой области. Приведём наиболее распространённые определения культурного стереотипа.

Под культурным стереотипом исследователи понимают принятый в исторической общности образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыте, при этом культуру вслед за Э. Тейлором мы понимаем как *«комплекс, включающий знания, верования, искусства, мораль, законы, обычаи, а также иные способности и навыки, усвоенные человеком, как членом общества»* [Тейлор 1971: 328].

Д.В. Ольшанский определяет стереотип как «постоянно декларирующиеся и навязывающиеся людям стандартные единообразные способы осмысления и подходы к социально-политическим явлениям, объектам и проблемам, как общественно-политические каноны и «истины» — нормы, ценности и образцы политического повеления, постоянно повторяемые и используемые политической элитой, поддерживаемые и распространяемые массовыми информационно-пропагандистскими средствами, подкрепляемыми карательными органами в нормативно-послушном состоянии. В содержательном отношении совокупность подобных стереотипов составляет идеологию или идейно-политическую составляющую данного общества» [Ольшанский 2001: 85]. По мнению

исследователя, стереотип предусматривает единство когнитивно-информационного компонента с эмоционально-чувственным и оценочным компонентом, причём в когнитивных составляющих стереотипа обычно отличаются соотношением синтагматических и экстралингвистических знаков.

Исходя из приведённых выше определений, можно сделать вывод, что понятие культурного стереотипа базируется именно на «социальности» объекта стереотипизации. Именно поэтому большинство исследователей либо включают культурные стереотипы в число социальных, либо не выделяют их вообще, называя социальными. На наш взгляд, необходимо оперировать категорией «культурные стереотипы», которая бы охватывала социокультурные особенности, наиболее подверженные стереотипизации. Среди них можно выделить национальную принадлежность; национальный характер; культурные предпочтения представителей той или иной социальной группы; отношение к религии.

Как считают исследователи, в частности А.В. Полонский, в основе большинства культурных стереотипов лежит бинарная оппозиция «Свой — Чужой». Данная категория лежит в основе восприятия и обработки информации о мире [Полонский 2009: стр. 152-158]. По мнению Ю.М. Лотмана, в основе любой культуры лежит разделение мира и пространства на «наше», «свое», «безопасное», «гармонически организованное» и «их», «чужое», «враждебное», «опасное», «хаотичное» [Лотман 1992: 16], и это противопоставление пронизывает «всякое коллективное, массовое, народное, национальное мироощущение» [Степанов 2002: 93]. Под «своими» и «чужими» исследователи понимают различные социальные группы, обособившиеся друг от друга. Деление общества на «своих» и «чужих» происходит под влиянием устоявшихся в обществе стереотипов или мнений, сформировавшихся на основе личного опыта, которые в процессе жизни, а значит, и в процессе познания человека, могут подтверждаться или опровергаться.

Исследователь О. Косова говорит о том, что такая категоризация объектов связана с выделением особенностей социального восприятия, основанного на большом количестве стереотипных установок в понимании людьми как своего этноса, так и иных общностей, и соответствующих чуждых элементов культуры. Опираясь на бинарную оппозицию «свой» — «чужой», некоторые исследователи классифицируют культурные стереотипы как автостереотипы и гетеростереотипы. Н.В. Сорокина определяет автостереотип как образ-представление какой-либо социальной группы о самой себе, а гетеростереотип — образ-представление данной группы о других/чужих группах. Как правило, автостереотипы всегда отличаются большим разнообразием и комплексностью подхода, например, русские, одновременно считают себя щедрыми, гостеприимными, способными легко переживать тяжёлые времена, сильными духом и пр., а знания о представителе немецкой культуры часто сводятся до одного-двух стереотипов — немцы жадные и излишне аккуратные. По мнению специалистов, чем более образ отдалён от понимания и чем меньше мы знаем о нём, тем более целостным и достоверным нам кажется сложившийся в отношении представителя чужой культуры стереотип. Также исследователями отмечается более широкий спектр эмоциональной окрашенности гетеростереотипов — они могут как превозносить чужую культуру (например, любовь ко всему американскому в 1990-е), так и недооценивать, унижать, ненавидеть. Автостереотипы, напротив, как правило стабильно нейтральные или позитивные [Сорокина 2015, 118].

«Отношение к Чужому — это лакмусовая бумага общественного развития, определяющая гуманитарную составляющую общественного дискурса». Действительно, чем более развитым является общество, тем более значимым в нём является толерантное отношение к непохожим на «своих». Особенно важно это замечание в отношении современных СМИ, так как толерантность является одним из закреплённых принципов журналистики. По мнению В. Фельде,

толерантность является способом существования оппозиции «свой — чужой» в современной культуре [Фельде 2012: 155-158].

Согласно Декларации принципов толерантности 1995 года, провозглашенной Генеральной конференцией ЮНЕСКО, толерантность понимается как уважение, принятие и правильное понимание богатого разнообразия культур нашего мира, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности; отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждение норм, установленных в международно-правовых актах в области прав человека [Декларация принципов толерантности, <http>]. Исходя из данного определения, мы можем сказать, что в толерантном обществе не должно быть места культурным стереотипам, так как сама суть стереотипа, заключающаяся в упрощении и обобщении, противоречит «правильному пониманию и уважению к проявлению человеческой индивидуальности», а также отказу от «абсолютизации истины», которой, в известном смысле, и является стереотипизация. Можно сказать, что формирование и закрепление негативных стереотипов и различных образов других культур и национальностей в текстах СМИ провоцирует социальную напряженность, культивирует «язык вражды» и противоречит принципу толерантности, соблюдение которого, по сути, является гарантом безопасного сосуществования культур в условиях глобального информационного общества.

Как считает финский исследователь Яакко Лехтонен, отрицательные культурные стереотипы и ксенофобия могут питать друг друга и привести к возникновению порочного круга: антагонизм по отношению к иностранцам рождает негативные стереотипные атрибуции, которые, в свою очередь, оправдывают и повышают негативные чувства по отношению к своим культурным группам [Lehtonen 2003: 117].

Одним из ключевых условий развития демократии является свободное и неангажированное распространение информации, наличие условий, при которых все субъекты общества могут освещаться объективно и равноправно.

Современные средства массовой информации — важнейший институт демократического общества, охватывают в своих публикациях огромные тематические пласты, освещают национальные, культурологические, политические и социальные аспекты жизни общества. Средства массовой информации оказывают значительное влияние на общественную жизнь и восприятие людьми реальности. Они также формируют мнения и образцы поведения, а также язык и национальную культуру. Как пишет А.В. Полонский, «масс-медиа обладают уникальной способностью порождать интенсивные информационно-смысловые (когнитивные) потоки и жестко управлять ими. Включенные в процесс производства значений, образов и метафор, в процесс производства массовой информации (контента), массового сознания и массовой аудитории, масс-медиа оказывают жесткое влияние на характер общественного сознания, на характер его доминантных интенций и особенности его содержательных форм» [Полонский 2012: <http>].

Поскольку продукты СМИ доступны, широко распространены и заслуживают доверия среди аудитории, мы можем сделать вывод, что они формируют видение реальности у реципиентов. Современные исследователи отмечают способность средств массовой информации создавать единое информационное пространство, объединяющее все сферы части духовной жизни людей — воззрения, убеждения, мысли, чувства в единое целое. По мнению О. Дубовской, нельзя недооценивать то влияние, которое оказывают СМИ на культурный и мировоззренческий процесс. Это может послужить причиной деструкции гуманистической основы смыслоценностных построений. «Особенно важным это является сегодня, так как наблюдается интенсивная смена моделирующих оснований культуры, распространение продукции информационной инженерии, приобретшей под влиянием процессов глобализации общемировой характер» [Дубовская 2012: 23-46].

В условиях глобального мира, в котором сосуществуют сотни национальностей, свободно перемещающихся, ассимилирующихся в других

странах, в мире, где идёт процесс взаимопроникновения культур, увеличиваются ежегодные потоки миграции, возникает необходимость в сохранении национальной идентичности. Средства массовой информации призваны помочь разобраться в особенностях других культур, осознать себя как национальную общность, объединённую рядом признаков, корректно и исчерпывающе информировать общество о происходящих социальных и политических изменениях, способствовать налаживанию межкультурных связей.

По мнению исследователей, средства массовой информации оказывают колоссальное влияние на формирование стереотипов в современном сознании. Как известно, СМИ — это наиболее доступный канал для получения информации из разных сфер различными слоями общества. Р. Харрис утверждал, что современные средства массовой информации — «это не только «магическое окно», через которое мы видим мир, но и «дверь», через которую входят идеи в наше сознание» [Харрис 2002: 175]. Стереотипы, транслируемые в СМИ, существенно упрощают процесс познания, доводят его до автоматизации — реципиенту не нужно детально изучать новое, он может сделать выводы о человеке или явлении, опираясь на стереотипные шаблоны, эксплуатируемые печатью, радио, телевидением или интернет-медиа. Наиболее подверженным воздействию является молодёжная аудитория. По мнению Н. А. Акопян, «СМИ выступают в качестве основного источника стереотипизации ценностей российской молодежи. На характер и содержание стереотипов активное влияние оказывает телевидение, которое в силу своей общедоступности в наибольшей степени воздействует на развитие культуры общества, уклад жизни людей и стереотипы их поведения» [Акопян 2004: 17]. Также исследователь отмечает, что в настоящее время через средства массовой информации, в частности телевидение и интернет, формируется особый стереотипический вид культуры, который основан на стандартах массовой культуры, характерными чертами которой являются аффективность, агрессивность и анонимность. Автор отмечает, что стереотипы трансформируют продукты творческой деятельности в массовые,

общедоступные ценности и формируют общепринятые массовые символы и культурные стереотипы.

Н.А. Лавлинский выделяет два основных направления влияния СМИ на формирование стереотипов. Во-первых, это семантическое манипулирование, которое предполагает тщательный отбор и особенную компоновку понятий, вызывающих в сознании позитивные или негативные ассоциации. Именно это позволяет повлиять на человека, учитывая его индивидуальные привычки и убеждения, оказывает существенное влияние на восприятие транслируемой информации. Во-вторых, собственно формирование стереотипов. Исследователь отмечает, что стереотипы формируются под воздействием двух факторов: бессознательной коллективной переработки и индивидуальной социокультурной среды, а также могут создаваться целенаправленно, прибегая к идеологическому воздействию на аудиторию с помощью СМИ. Посредством стереотипов, можно легко манипулировать общественным сознанием, так как стереотипы тесно связаны с функционированием общества в целом и конкретных групп людей в частности [Лавлинский: <http>].

Таким образом, стереотипы практически применяются в идеологических целях, поскольку чаще всего принимаются аудиторией на веру – в современном обществе считается, что если о чем-то говорят в СМИ, то нет оснований сомневаться в истинности заявления и проверять его. Стереотипы могут формироваться «лидерами общественного мнения» (по Липпману) специально, либо транслироваться уже готовыми для формирования нужных общественных настроений. Через СМИ аудитории подается уже выверенная и погруженная в нужный шаблон информация.

То, что стереотипы подвержены изменчивости в соответствии с политическими или социальными необходимостями, подтверждает Г.С. Мельник: «...практика показывает, что стереотипы реагируют на новую информацию, особенно на драматические события. Изменение стереотипа происходит при аккумуляции большого количества опровергающей информации. История

развития нашей страны содержит немало примеров изменения и исчезновения социальных стереотипов. Это было связано с изменением внешних факторов: экономических, политических, социальных условий жизни человека» [Мельник 1996, 13]. Автор приводит в пример полярные изменения в массовом сознании, причиной которых стали изменения в идеологии России в период социализма и в наше время.

Стереотипы — идеальный инструмент для манипулирования массовым сознанием, которым, порой невольно, пользуются СМИ. Средства массовой информации, постоянно находясь в условиях ограниченного времени, пользуются уже готовыми шаблонными моделями представления информации, зачастую не погружаясь в глубину проблемы, а «вырывая из контекста» наиболее значимые, или, напротив, сенсационные аспекты. Как писал Т. Томпсон, аудитория получает «готовый способ упаковки потребления духовной пищи» [Tomson 1989: 14].

Медиа могут специально создавать социальное напряжение, провоцировать чувства опасности и неуверенности в будущем. Зачастую такие меры обусловлены политическими решениями. По мнению Г.С. Мельник, официальные СМИ по-прежнему выполняют функцию поддержания социальных структур посредством активного использования стереотипов [Мельник 1996, 17].

Р. Исхаков определяет журналистов, освещающих проблемы миграции, как самых главных «переносчиков» стереотипов: «Он не только «болен сам», но и «заражает» своей позицией аудиторию [Исхаков 2015, 17]. Стереотипы, распространяемые средствами массовой информации, наиболее легко и быстро воспринимаются аудиторией, так как являются не только простыми по содержанию, но и более яркими и образными. Кроме того, стереотипы обладают следующими свойствами: эмоционально-оценочным характером, устойчивостью, согласованностью (среди большого числа индивидов).

Вопросы, связанные с этничностью, отношением к тому или иному культурному слою, сейчас занимают особое место в публикациях СМИ. С их

помощью в массовом сознании закрепляются в том числе и искусственные мнения и представления, заданные идеологами.

По наблюдениям М. Рахимбергеновой, при помощи прессы искусственно возбуждается национальное самосознание большого количества людей, под воздействием СМИ в их сознании появляются не только позитивные представления в области межэтнического взаимодействия, но и негативные. Автор также разделяет мнение большинства исследователей, говоря о том, что именно через каналы СМИ могут распространяться массовые этнические и расовые предубеждения и установки, и, как следствие, в обществе могут повышаться межэтническая напряжённость и порождаться конфликты на национальной почве [Рахимбергенова 2008, 62].

Выводы к Главе I

Социально-политические изменения в России, начавшиеся с эпохи перестройки, включали не только смену политического режима, но и ряд социальных и культурных преобразований. С усилением межнационального взаимодействия, взаимопроникновения культур и ценностей возник ряд противоречий, заключающихся, с одной стороны в стремлении к международной интеграции и, одновременно с этим, осознании потенциальной опасности, исходящей от представителей других национальностей, которые свободно перемещаются по стране и могут представлять угрозу с другой. Вооруженные конфликты и террористические акции, а также развитие систем массовой коммуникации породили волны социальной напряженности — под впечатлением от происходящих трагических событий и под воздействием информации, транслируемой медиа, в обществе сформировался особый психологический климат, который можно охарактеризовать как настороженность по отношению ко всему «чужому».

Обилие новых сведений о стремительно меняющемся мире концентрируется во взаимосвязанных когнитивных единицах — идеологемах,

концептах и стереотипах. Именно они являются основными средствами репрезентации важной социокультурной информации. Идеологемы представляют собой своеобразные «маркеры времени» — их основная цель заключается в том, чтобы закрепить в массовом сознании актуальные политические векторы. Одной из функций идеологемы является формирование и закрепление стереотипов в массовом сознании посредством каналов массовой коммуникации. Концепт же включает в свое поле все имеющиеся знания об объекте, он представляет собой схематичную раму из важных признаков и черт объекта, которая меняет свое наполнение с течением времени и в зависимости от особенностей реципиента. Основной функцией концепта является когнитивная: эта ментальная единица может отражать не только индивидуальные, но и коллективные представления об объекте.

Стереотип отличается высоким уровнем схематизации и обобщённости и представляет собой функциональную единицу, которая участвует в формировании концепта и помогает закрепиться идеологемам в массовом сознании, т.е. строительным материалом, формирующим картину мира. Так как по своей сути стереотип представляет собой общий шаблон, зачастую его содержание может оказаться излишне схематичным и упрощенным, то есть, по сути, ложным. Тем не менее, в современной ситуации, насыщенной политическими и социальными изменениями, культурные стереотипы составляют порой единственные знания о новом и не знакомом, особенно если они транслируются в СМИ. Большинство актуальных культурных стереотипов строится на базовой бинарной оппозиции «Свой — Чужой», а значит, позволяют не только отличить привычные явления от новых и не знакомых, но и оценить их как «своё — чужое», «опасное — безопасное». Поскольку продукты СМИ вызывают доверие у аудитории, стереотипы могут использоваться «лидерами общественного мнения» как инструмент воздействия и продвижения необходимых политических идей. Это особенно опасно в случае, когда идеологи оперируют стереотипами культурными, вобравшими в себя основные

отличительные черты — религиозные, национальные и другие. Злоупотребление культурными стереотипами в СМИ может приводить как к тривиальной дезинформации, так и к развитию социальной напряженности и ксенофобских настроений в обществе.

Глава II. ДИНАМИКА СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КОНЦЕПТА «МИГРАНТ» В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

2.1. Обзор методологических оснований концептуального анализа

Параллельно с появлением термина «концепт», который стал одним из ведущих терминов в когнитивной лингвистике, появилась и новая форма научных изысканий — концептуальный анализ — основной метод изучения концептов. Он позволяет развернуть все представления и воззрения, вложенные в слово. Концептуальный анализ — анализ, предметом которого является концепт.

Главная цель концептуального анализа — проследить путь познания смысла концепта и записать результат в формализованном семантическом языке. Изучение работ таких авторов, как Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова показывает, что концептуальный анализ – это не какой-то определенный метод изучения концептов, а скорее некоторый цикл работ, объединенных относительно общей целью, пути достижения которой являются самыми разнообразными.

Возможность использования разнообразных подходов к концептуальному анализу соотносится и с разнообразием подходов к определению понятия «концепт». «Концепт – явление сознания, и исследователь в любом случае моделирует концепт по косвенным признакам его проявления. Любая модель концепта – это лишь исследовательская модель» [Попова, Стернин 2007: 165].

Среди современных ученых бытует мнение о том, что специфический метод концептуального анализа только формируется в современной науке. Так, исследование концепта может проводиться в двух основных направлениях – «от концепта к способам его репрезентации в языке и наоборот - от языковых средств к выявлению тех ментальных структур, которые репрезентируются данными средствами» [Болдырев, 2002]. Современному исследователю важно понять, какой должна быть ментальная репрезентация языкового знания и как это знание «когнитивно» перерабатывается, то есть какова «когнитивная действительность» [Демьянков, 2001]; важно также определить природу механизмов, имеющих в

распоряжении человека в процессе мышления и понимания. В связи с этим ученые отмечают целесообразность выработки единого когнитивного метода анализа концепта, который позволит выявить, какая структура знания репрезентируется в лексической единице, фразеологизме, лексико-семантической парадигме и каково представление носителей языка о стоящем за абстрактным именем идеальном объекте. Когнитивный анализ преследует герменевтическую цель: познание и понимание стоящего за абстрактным именем фрагмента идеальной действительности и, в конечном счете, самого языкового сознания.

На сегодняшний момент исследователями разработано несколько методик концептуального анализа, в зависимости от предмета исследования и конечной цели, а также от предполагаемой исследователем структуры концепта. Вопрос о структуре концепта по-прежнему является дискуссионным — существуют противоположные точки зрения по поводу его структурирования. По мнению Н.К. Рябцевой, концепт представляет собой смысловой инвариант — имеет строгую структуру. А З.Д. Попова и И.А. Стернин, напротив, считают, что у концепта нет четкой структуры.

Р.М. Фрумкина в работе «Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология?» провела анализ существующих концептуальных исследований и выделила следующие направления концептуального анализа: опора на жизненный опыт гипотетических собеседников и изучение сложных ментальных образований типа «мнение», «знание» и т.д.; обращение к языковому чутью и научной эрудиции читателя с опорой на учёт пары «говорящий – слушающий», а также изучение любого языкового материала, базирующегося на самонаблюдении, сочетающего множество методик.

В статье «Об одном фрагменте концептуального анализа слова “память”» Е.С. Кубрякова формулирует важнейшее различие концептуального и семантического анализа. Безусловно, семантический и концептуальный анализы имеют соприкосновения, но основное их различие кроется в конечной цели: «Если первый направлен на экспликацию семантической структуры слова,

уточнение реализующих ее денотативных, сигнификативных и когнитивных значений, то концептуальный анализ предстает как поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и определяют бытие знака как известной когнитивной структуры. Семантический анализ связан с разъяснением слова, концептуальный анализ – идет к знаниям о мире» [Кубрякова 1991: 85].

С.Е. Никитина указывает на некоторую двусмысленность, которая может возникнуть при понимании словосочетания «концептуальный анализ». Исследователь поясняет, что этот термин может восприниматься и как собственно анализ концептов и как анализ действительности при помощи концептов. По мнению автора, семантику концепта необходимо анализировать исключительно в связи с другими концептами, объединяя все толкования и отмечая отношения этих единиц. Таким образом, возможно получить «реальное семантическое описание-объяснение слова-концепта» [Никитина 1991: 117-118]. Достичь этого можно путём составления перечня отношений или тезауруса. Таким образом, из всех атрибутов и элементов концепта необходимо сформировать, согласно терминологии Никитиной, «тезаурусную статью-анкету».

А. Вежбицкая предлагает анализировать ядерные компоненты культуры при помощи методики «ключевых слов», когда исследование начинается с определения ключевого имени концепта. При таком способе анализа принимаются во внимание два важнейших фактора — частотность употребления имени концепта, а также культурная разработанность определенного фрагмента языковой картины мира с помощью разнообразных средств наименования концепта. Изучается огромный речевой пласт — паремии, изречения, художественные тексты, тексты песен и пр. [Вежбицкая, 1999, 275-284]. В данном подходе сочетаются формально-семантический и оригинальный культурологический анализ, данный метод направлен в большей степени на анализ актуального концепта.

Согласно исследованиям Е.А.Шейгала и Е.С.Арачкова, перечень методик исследования заключается в компонентном анализе семантики имени концепта,

изучении синонимов и производных от ключевого слова, анализе сочетаемости ключевого слова (имени концепта), анализе паремий и афоризмов, объективирующих данный концепт, выявлении ассоциативного поля концепта посредством психолингвистического эксперимента, а также анализ текстов в разных типах дискурса [Шейгал, Арачкова 2002: 19-24].

Соотносится с этой методикой и методика В.И. Карасика, который предлагает свою последовательность описания концепта, состоящую из дефинирования, анализа контекста, этимологического анализа, паремиологического анализа, анкетирования или интервьюирования [Карасик 2002: 131].

Ю.С. Степанов видит концепт как образование, имеющее сложную структуру. К ней относится «все то, что принадлежит строению понятия» [Степанов, 2001: 43], а также в структуру концепта входит «все то, что делает его фактом культуры» [Степанов, 2001: 43], а именно этимология, история, современные ассоциации, оценки и другое. В данном понятии выделяют объем – количество объектов, входящих в данное понятие, и содержание – совокупность общих и существенных признаков понятия. Исследователь предполагает, что концепт — это многослойное образование, и предлагает первоначально выявить буквальный смысл слова, его этимологию. Далее необходимо выделить пассивный слой концепта, или «исторический». На завершающем этапе исследования анализируется «новейший» актуальный слой, сформировавшийся на данном этапе времени. Данный метод анализа направлен на развертывание картины становления концепта на разных исторических этапах — на «оживление культурной памяти». Благодаря этой методике реально отследить и динамические изменения изучаемого концепта, что ценно и применимо для нашего исследования.

В качестве основных источников, которые используются для исследования концептов, исследователями принято выделять следующие: словарный материал,

текстовый материал (сведения о функционировании слов-репрезентантов концепта в текстах), а также экспериментальный материал.

Существует целый ряд конкретных методических приемов концептуального анализа, среди которых анализ семного состава ключевого слова, анализ лексических парадигм различного объема и типа, вербализирующих концепт, анализ материала паремий и афоризмов, анализ лексической сочетаемости репрезентантов концепта, дискурсная оценка, эксперимент.

Анализ семного состава ключевого слова предполагает анализ толкования базовой лексической составляющей концепта в разнообразных источниках, от словарей до употребляемости в различных видах дискурса.

Анализ лексических парадигм различного объема и типа предполагает изучение синонимических рядов, лексико-семантических, лексико-фразеологических полей и ассоциативно-семантических полей. Как отмечает Е.А. Шенделева, у данных структур имеется огромный семантический потенциал, с помощью которого раскрывается система образов, раскрывающая определенный фрагмент действительности [Шенделева 2000: 118].

При методе анализа паремий и афоризмов необходимо учитывать, что не всегда результаты дают картину актуального состояния концепта. «Анализ паремий дает исследователю информацию прежде всего о содержании интерпретационного поля концепта» [Попова, Стернин 2001: 129]. «В интерпретационном поле можно найти самые разнообразные суждения и оценки, часто противоречивые, но зато представляющие признаки концепта в полном объеме». Исследователи отмечают, что признаки интерпретационного поля в определённый момент бывают весьма значимыми в массовом сознании и могут определять мышление и поведение народа [Попова, Стернин 2001: 130]. Анализ интерпретационного поля демонстрирует прежде всего развитие концепта с течением времени и обстоятельств.

Метод анализа лексической сочетаемости репрезентантов концепта использовался такими исследователями как О.В. Ивашенко, В.М. Глазунова, И.Г.

Джавахова, А.Г. Лапотько. Через определение лексических единиц, наиболее частотно сочетаемых со словом-репрезентантом, обнаруживается поле бытования концепта, а следовательно, восстанавливаются распространённые ассоциативные ряды.

Метод дискурсной оценки позволяет определить не только существенные характеристики социальной коммуникации, но и второстепенные, содержательные и формальные показатели. Как определил Е.А. Кожемякин, дискурс в отличие от текста — атрибут коммуникативно-социального поля, он возникает там, где высказывание может иметь социальные последствия. Также дискурс представляет собой процессуальную категорию в силу своей процессуальной незавершённости, он отнесён к событийности, то есть актуален [Кожемякин 2006: 25-40]. Следовательно, применение оценки дискурса может рассматриваться в качестве пути познания культурно-языковой специфики. Дискурс является и средой бытования, и средством реализации концептуальных единиц, а также фактором, влияющим на их изменение и развитие.

Особое место среди методов изучения концептов занимает ассоциативный эксперимент. Он позволяет максимально приблизиться к лексикону, культурной памяти и стереотипам изучаемого народа. Этот метод широко известен в психолингвистике, психологии, социологии и позволяет исчерпывающе реконструировать языковое сознание. Об эффективности использования данного метода писали такие исследователи, как Е.С. Кубрякова и представители ее школы. При помощи ассоциативного эксперимента выявляется содержание концепта в когнитивном сознании носителей языка, что позволяет классифицировать признаки, образующие концепт, от более ярких к менее заметным. К разновидностям данного метода относятся также эксперимент на субъективные дефиниции, рецептивный эксперимент и др. Применение метода ассоциативного эксперимента помогает исчерпывающе охарактеризовать не только макроструктуру концепта, но и понять, какое содержание характерно для того или иного этапа развития концепта [Кубрякова 2008: 85-91].

Многие исследователи, среди которых В.З. Демьянков, считают, что классический концептуальный анализ требует большого количества анализируемых текстов, что обеспечивает максимально объективные результаты [Демьянков 1994: 17-33].

Таким образом, концептуальный анализ позволяет соединить в себе языковую и культурную семантику слова, разграниченную в прикладной лингвистике в связи с делением на языковую и концептуальную картины мира. Грамотное объединение лингвистического и культурологического подходов может помочь в адекватном и полном логическом анализе концептов.

Для анализа развития содержательного наполнения концепта «мигрант» в современных российских СМИ в соответствии с характером эмпирического материала нами были выбраны метод анализа лексических парадигм различного объема и типа, вербализирующих изучаемый концепт, анализ лексической сочетаемости репрезентантов концепта «мигрант», а также анализ дискурса средств массовой информации.

2.2. Тенденции развития содержательного наполнения концепта «мигрант» в современных российских СМИ в период с 2011 по 2017 гг.

В изучаемый нами период в социально-политической жизни России произошёл ряд ключевых изменений, которые не могли не отразиться в публикациях прессы, в том числе они репрезентировались через развитие стереотипов о мигрантах, являющихся одной из составляющих концепта «мигрант».

По мнению Ф.О. Радтке, многие государства сейчас находятся перед дилеммой социального государства: «Отказ в некоторых правах проживающим на территории мигрантам и одновременно претензия социально-демократического государства на обеспечение справедливости и равенства находятся в очевидном противоречии» [Радтке 2004: 175]. Это противоречие прослеживается и в

дискурсе СМИ в отношении коренных жителей и переселенцев из других стран. На наш взгляд, анализ динамики стереотипа «мигрант» необходимо соотносить с базовой оппозицией «Свой — Чужой», где «Свой» — субъект близкий и понятный, а «Чужой» — незнакомый, враждебный и опасный.

В начале изучаемого периода — в публикациях 2011 – 2012 гг. — основным репрезентантом концепта «мигрант» являлся трудовой мигрант из ближнего зарубежья, чаще всего определяемый как «гастарбайтер». Анализ лексической сочетаемости слова «мигрант» показал, что в этот период наиболее частотно употребляемыми определениями являются «нелегальный», «незаконный» «неквалифицированный». Данные определения имеют явную негативную окраску и дают нам понять, что в этот отрезок периода мигрант репрезентируется как «Чужой». На основе проанализированных публикаций мы можем сформулировать типизированный и схематизированный образ мигранта, предоставляемый СМИ, как малограмотного, не владеющего русским языком выходца из стран бывшего СНГ, как правило, некомпетентного в той сфере, в которой он работает, не способного защитить свои права, но в то же время агрессивного, потенциально опасного и склонного к криминальному поведению.

Следует подчеркнуть, что изначально понятие «гастарбайтер», заимствованное из немецкого языка, обладало нейтральной аксиологической коннотацией, но в России приобрело негативную окраску. Также следует отметить, что проблемные, аналитические материалы в начале рассматриваемого периода встречались крайне редко, публикации, в которых тем или иным способом освещались бы проблемы миграции, чаще всего были размещены в разделах криминальной хроники популярных изданий, новостных лент и крупных газет. Вывод об отношении к СМИ (а следовательно, и общества в целом) к трудовым мигрантам очевиден уже на этапе мониторинга заголовочных комплексов. *«Каждое второе изнасилование в Москве в 2011 г совершили мигранты»* (44), *«В половине новогодних преступлений замешаны гастарбайтеры»*. Ср., например, в материале «Для мигрантов русские женщины

— объекты сексуального насилия»: *«До 70% изнасилований в Москве совершается в последние годы мигрантами, подтвердила сотрудница правозащитного центра «Русская власть» Елена Денежкина. При этом «и дел таких стало значительно больше, – добавила она, – мигранты к нам все едут»* (20).

Журналисты, на этом этапе, как правило, не принимали во внимание ни событийный контекст, ни национальную принадлежность мигранта, что формировало в общественном сознании опасно усреднённый образ и негативные ассоциации, также строящиеся на основе частотных лексических определений. Если же национальная принадлежность указывалась, то данный приём работал скорее не как важное уточнение, а как элемент, акцентирующий межнациональную рознь, формирующий негативный образ жителей государства, гражданин которого совершил противоправное действие: *«Гастарбайтер из Молдавии задержан в Нижнем Новгороде за убийство»* (18), *«Граждане Таджикистана нарушают закон чаще других мигрантов»* и пр. О. Карпенко в статье *«Как и чему угрожают мигранты»* пишет: *«Значительная часть обвинений в адрес “гостей с юга” обращена к ним как к мигрантам (“не местным”, “пришлым”, “гостям”), упоминание особенностей этнической культуры и менталитета лишь усиливает негативные смыслы, привязанные к категории “гость” (особенно, конечно, к категории “незванный гость”...»* (28).

Таким образом, мы можем сказать, что в начале изучаемого периода проблемы миграции в целом не входили в актуальную повестку и попадали в поле зрения СМИ лишь в связи с чрезвычайными происшествиями — преступлениями и правонарушениями, совершёнными либо мигрантами, либо против мигрантов (нередки были публикации о нападениях на гастарбайтеров). Тем самым средства массовой информации, порой неявно, сформировали в массовом сознании ряд отрицательных культурных стереотипов как мигранта в целом, так и представителя конкретной национальности — таджика, киргиза, грузина, чеченца, молдаванина. Актуальная для изучаемого периода лексическая дистрибуция слова

«мигрант» в российских СМИ говорит о том, что в общественном сознании миграция была наиболее тесно связана именно с трудовой деятельностью (часто некачественной) и криминалом. Мигрант в этот период воспринимается исключительно как рабочая сила, таким образом, понятийное поле, структура концепта «мигрант» выглядят весьма ограниченными.

С 2013 года содержание концепта «мигрант» в российских СМИ начинает изменяться. Поводом для таких изменений стали массовые беспорядки с участием гастарбайтеров в спальном районе Москвы Бирюлёво, причиной которых послужило убийство москвича Егора Щербакова. Широкомасштабные митинги и беспорядки породили новую волну публикаций, посвящённую не только самому событию, но и проблеме мигрантов в России в целом. Разворачивалась общественная дискуссия; часть изданий по-прежнему придерживалась позиции «мигрант — чужой» и публиковала материалы с острыми заголовками и не менее острым, порой граничащим с националистическим, содержанием, как например в газете «Аргументы и факты»: *«Мигранты в России одних обогащают, других делают экстремистами, а страдают от них рядовые граждане»* (45). В других массовых изданиях появляются проблемные материалы, развёрнутые комментарии и статьи-мнения, в которых поднимается проблема адаптации мигрантов в России, и, что особенно важно, возможности совершенствования миграционной политики, что свидетельствует о попытке объективного рассмотрения ситуации. Так, колумнист «Комсомольской правды» Израэль Шамир заявил: *«Мигрантам нужно платить в соответствии с трудовым кодексом, не меньше, их рабочее время должно быть нормировано, как у всех. Ситуацию с приезжими нужно нормализовать. Дать им все права, или потребовать уехать»* (50). Журналист отмечает, что оснований для антикавказских волнений нет и этническая составляющая конфликта сильно преувеличена: *«Обычное бытовое убийство. Не то что убийца зарезал Егора, чтобы Курбан-Байрам отпраздновать, или в ходе спора о Ермолове. Это не была этническая преступная банда, издевавшаяся над православными россиянами.*

Просто пьяный или обкуренный отморозок, ночная встреча с трагическим финалом» (50).

В журнале «Русский репортёр» в этот период появилась статья *«На черной-черной улице стоит черная-черная школа...»*, в которой поднимались проблемы толерантности, сосуществования русский детей и детей мигрантов, их адаптации и социализации. При чтении публикации не возникает негативных мыслей о детях-мигрантах, напротив, читатель проникается некой симпатией к ним и пониманием того, как тяжело юным переселенцам адаптироваться в чужой стране. Журналист отмечает, что в нормальных условиях дети не чувствуют разницу между национальностями: межэтнические конфликты школьникам не нужны, их, как правило, разжигают взрослые. В подтверждение своего мнения о том, что национальность и вероисповедание не влияют на успеваемость и «качество» ребёнка, автор приводит данные социологических исследований: *«Социологи не выявили различий в успеваемости между российскими детьми и иностранцами, привезенными в Россию в дошкольном возрасте. (...)Что касается взаимоотношений самих школьников, специалисты пришли к выводу, что ни отверженность, ни популярность каждого конкретного ученика никак не связаны с его этнической принадлежностью» (30).*

Таким образом, понятийное поле концепта «мигрант» расширяется и начинает включать в себя определение «разный». Российское общество постепенно начинает осознавать, что мигранты — не однородная масса, а разные люди, начинает анализировать проблему и обдумывать возможные пути её решения. Гуманизация образа мигранта проявляется, прежде всего, через появление аналитических материалов — авторских колонок, статей-мнений, комментариев, в которых трудовые мигранты, которые по-прежнему остаются основными репрезентантами изучаемого концепта, предстают не столько агрессивными, сколько ущемлёнными, ежедневно сталкивающимися с несправедливостью в свой адрес со стороны россиян. Также обогащается и ассоциативно-семантическое поле: система образов мигранта перестаёт сводиться

исключительно к образу гастарбайтера — в список репрезентантов концепта начинают входить новые единицы: «переселенцы», «приезжие», «иностранцы».

Следовательно, уже в 2013 году бинарная оппозиция «Свой — Чужой» становится недостаточной для понимания миграционных процессов — социальные реалии требуют ещё одного компонента, который бы признавал различия между представителями других этносов — рассмотренный период можно назвать стадией, переходной от мигранта – «чужого» к мигранту – «другому».

Дальнейшее расщепление и усложнение содержания концепта продолжилась в период с 2013-го по 2015-й год. В это время развивается политический кризис и военный конфликт на Украине, который совпадает с новыми миграционными волнами в Европе. Концепт «мигрант» приобретает объемность за счет появления новых значений и новых репрезентантов. Становится очевидно, что оценочная окраска публикаций зачастую обусловлена идеологически. В средствах массовой информации мы наблюдаем явное противопоставления мигранта с Украины в России мигранту с Ближнего Востока в Европе. Мигранты начинают дифференцироваться по этническому или географическому признакам. Таким образом, концепт мигрант расщепляется на два субконцепта — «украинский мигрант» и «мигрант с Ближнего Востока».

По результатам анализа лексической сочетаемости, нами был выявлен набор определений, характеризующих языковую репрезентацию субконцепта «украинский мигрант». В него входят такие лексемы, как «беженец», «вынужденный», «обездоленный», «бегущий от войны», «квалифицированные специалисты», «братья», «славяне», «соседи», «переселенцы» и пр. Таким образом, через новые смысловые значения, вкладываемые в понятие «украинский мигрант», в массовом сознании формируются новые стереотипы. Ср., например, *«...Сейчас в пунктах временного размещения находится около 60 тыс. беженцев, готовых работать на благо страны на Дальнем Востоке»* (22), *«Беженцам с Украины оплатят переезд к российским родственникам»* (9), *«Россия выделит*

0,5 миллиардов рублей для помощи беженцам с Украины», «За антивоенный рисунок девочке с Донбасса подарили квартиру в Ростове» (14). Репрезентативен и пример публикации деловой газеты «Взгляд»: «Сергей Михеев: Мигранты с Украины нам ещё пригодятся», которая начинается со слов: «Нелегальных мигрантов не стоит демонизировать. Всё зависит от качества...». Автор публикации откровенно противопоставляет мигрантов с Ближнего Востока мигрантам с Украины, то есть мигрантов «некачественных» мигрантам «качественным»: «Не хочется никого обижать, но качество этой миграционной волны и ее польза для России объективно выше предыдущих». Колумнист отмечает, что некоторые последствия украинского кризиса помогут России решить часть своих проблем, в частности демографических (43).

В этот период в российских СМИ миграционная политика Европы, напротив, критикуется. Набор характеристик, применяемых к мигрантам с Ближнего Востока, выглядит следующим образом: «озлобленные», «презрительные», «дерзкие», «небрежные», «обнаглевшие», «опасные», «преступные», «неквалифицированные». Персонализация мигрантов фактически отсутствует — чаще всего в этот период аудитория СМИ видит безликую угрожающую массу. Наиболее употребительным является словосочетание «нелегальный мигрант с Ближнего Востока». Такие эпитеты, как «трагичный», «бедный», «несчастный», «нищий», «обездоленный» уступают в популярности негативным характеристикам, и порой употребляются с явной иронией. Этот мигрант больше не показан как человек, достойный сочувствия. Особенно ярко данная тенденция прослеживается в массовых изданиях, имеющих широкую аудиторию. Например, в «Комсомольской правде»: «Полчища алчных мигрантов захлестнули Европу» (7) или «Оккупацию Европы мигрантами спонсируют из США» (6). Такие кричащие заголовки — эффективный способ воздействия на аудиторию. Зачастую, журналисты не гнушаются нарушать и профессионально-этические кодексы журналиста, освещая проблемы миграции подобным образом. Например, в корреспонденции «В Финляндии за сутки изнасилованы две

школьницы: в преступлениях подозревают мигрантов»(12). Информационным поводом являются совершённые несколькими днями ранее изнасилования девушек в Финляндии. Уже сам заголовок текста подлежит оценке с точки зрения деонтологических кодексов. Согласно Кодексу профессиональной этики российского журналиста, выполняя свои профессиональные обязанности, он противодействует экстремизму и ограничению гражданских прав по любым признакам, включая признаки пола, расы, языка, религии, политических или иных взглядов, равно как социального и национального происхождения. Сообщение о том, что в сексуальном насилии над несовершеннолетними подозревают мигрантов, тем более его вынесение в заголовок, на который читатель обращает внимание в первую очередь, с первых строк публикации формирует негативное мнение о беженцах из других стран. Тем более, что их причастность к случившемуся на момент публикации не доказана и в тексте не имеется никаких сведений об их реальном отношении к преступлению: «По подозрению в причастности к этому нападению были задержаны двое подростков в возрасте 15 и 17 лет, приехавших из Афганистана, сообщил "Интерфакс". Они также являются просителями убежища». Безусловно, журналист должен считаться с основным принципом презумпции невиновности. Необходимость соблюдения этого принципа зафиксирована в ряде международных этических кодексов, а также в Кодексе профессиональной этики российского журналиста. Далее в публикации описывается полемика между представителями властей. «Министры внутренних и иностранных дел Финляндии выступили с предложением ужесточить закон, позволяющий в срочном порядке депортировать просителей убежища, совершивших тяжкие преступления (...) А премьер-министр Юха Сипиля созвал экстренное совещание, после которого призвал не клеймить беженцев» (12).

В приведённой статистике оговаривается, что на фоне общего числа зарегистрированных изнасилований преступления, совершённые беженцами,

выглядят отдельными эксцессами. Но в контексте публикаций складывается впечатление, что это поведение нормально для мигрантов.

Данная публикация не нарушает законодательные нормы, так как текст не содержит оскорблений или прямых призывов к неправомерным действиям, но формирует негативное восприятие мигрантов, может разжечь межнациональную вражду и ксенофобские настроения.

Освещая тему миграции и мигрантов, журналисты концентрируют внимание и на религиозной компоненте. Оппозиция «Христианство — Мусульманство» характеризует субъекта аналогично оппозиции «Свой — Чужой». Например в заметке *«Мусульмане в Финляндии потеснили православных»* на портале Newsru.com автор прямо выражает свои опасения по поводу увеличения числа мигрантов с другим вероисповеданием: *«По мере роста числа исламских мигрантов аппетиты приезжих возрастают: мусульмане требуют от правительства все большего количества мечетей и молельных комнат»*. Или публикация *«В Швеции мигранты-мусульмане до смерти забили гея, пожертвовавшего им одежду и еду»* (13). Эта публикация построена на основе перевода материала сайта Infowars. Информационным поводом стало нападение двух иностранцев на жителя Швеции: *«Двое мусульманских мигрантов в Швеции обвинены в преступлении на почве ненависти к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации. Они избili гомосексуалиста, одели его в женскую одежду и задушили змеей...»*(13). Внимание на религиозной принадлежности подозреваемых акцентируется уже в заголовке, что формирует негативный образ как мигранта, так и мусульманина. Автором используется эффект нагнетания. Гуманный гомосексуалист противопоставляется агрессивным безжалостным мусульманам. Такая форма подачи материала может порождать в общественном сознании опасную формулу «мигрант+мусульманин = зло, насилие, терроризм». Это противоречит ст. 7 Международной декларации принципов поведения журналистов, в которой говорится, что журналист *«должен делать все возможное, чтобы не допускать даже невольного стимулирования*

дискриминации, в частности, по признакам расы, пола, сексуальной ориентации, религии, политических и других убеждений, а также национального и социального происхождения».

Критика миграционной политики стран Европы в это период однозначно присутствует в публикациях прессы и может транслироваться косвенно и порой иронически. Некоторые ситуации в подаче российских СМИ выглядят гиперболизировано комичными: *«На мессе в Великий четверг папа совершил обряд (в подражание Иисусу, омывшему ноги 12 апостолам), выбрав 11 беженцев и работницу Центра временного размещения»* — из материала *«Франциск омывает ноги мигрантам»* (15).

Несогласие российских властей с миграционной политикой Европы транслируется СМИ в том числе и через прямую речь спикеров. Один из ярких примеров — материал РИА «Новости»: *«...Нельзя было быть такими простачками, как проявила себе Европа. То, что сейчас происходит в Париже, — это результат абсолютно недодуманной и неоправданной либерализации в отношении тех угроз, о которых говорили в том числе и со стороны России, предупреждая о возможном проникновении огромного количества боевиков (со слов Франца Клинецевича)»* (29).

В ходе параллельно развившегося миграционного кризиса в Европе в период с 2015 по 2016 год, мы можем отметить противоречивость и противопоставление миграционной политики России миграционной политике Европы. Ср., например, в онлайн-версии «Российской газеты»: *«В Россию на сегодняшний день за последний год прибыли больше миллиона граждан Украины», - сказал Владимир Чижов в эфире телеканала "Россия 24". - Это действительно серьезно. Это намного больше, чем все эти толпы сирийцев и африканцев, которые шагают стройными рядами в Европу»* (40). Обратим внимание на словосочетание *«все эти толпы сирийцев и африканцев»*, однозначно понижающее их социальный статус.

Таким образом, через освещение проблем миграционной политики и репрезентацию образа мигранта формируется и образ принимающих государств. Через призму российских СМИ мы видим Россию как сильное государство, готовое принять нуждающихся братьев-славян, бегущих от войны, обеспечить их всем необходимым, а также как страну, способную твёрдо защищать свои права и противодействовать нежелательным и «некачественным» мигрантам. Страны Европы, напротив, предстают поддавшимися гуманистической романтике, неспособными на радикальные решения.

Тем самым, соотнося репрезентацию концепта «мигрант» в данный период с ключевой бинарной оппозицией, мы можем сделать вывод о том, что мигрант с Украины предстает в российских СМИ как «свой», а мигрант с Ближнего Востока — «чужой». Это позволяет говорить об усложнении структуры концепта «мигрант» и выделить в нем два субконцепта, отличающихся по оценочному содержанию. И если среди определений субконцепта «украинский мигрант» преобладают позитивные характеристики, акцентирующие национальное родство, соседство, близость и «полезность» беженцев, то субконцепт «мигрант с Ближнего Востока» репрезентируется через лексические единицы с семами «опасность», «чуждость» и криминогенность». Акцентируется и религиозная принадлежность мигранта. Именно противопоставление «христианин — мусульманин» нередко манифестирует базовую оппозицию «Свой — Чужой».

В связи с террористическими акциями в Европе и России в 2016 — 2017 гг., в общественном дискурсе более явной стала имплицитная связь «мигрант — мусульманин — террорист», уже закрепившаяся в массовом сознании. Эта своеобразная защитная реакция породила волну публикаций, авторы которых порой спекулируют религиозным и этническим содержанием. Обзор новостных лент и разделов криминальной хроники приводит к весьма показательным публикациям с пугающими подробностями, в которых тем или иным способом будет фигурировать мигрант: «*В Германии мигрант изнасиловал молодую немку на глазах у её парня*» (26), «*Арестован мигрант, побивший полицейского в центре*

Москвы» (4), «В Липецкой области мигрант напал на пожилую женщину» (11), «Марокканский мигрант планировал теракт у посольства России в Германии» (32).

Тем не менее, в изданиях, позиционирующих себя как интеллектуальные и дискуссионные, появляются материалы, в которых отражена мысль о том, что власти не помогают мигрантам освоиться и целые социальные группы становятся изгоями. Международный проект «Сноб» — *«единственное в своем роде дискуссионное, информационное и общественное пространство для людей, которые живут в разных странах, говорят на разных языках, но думают по-русски»* рассказывает нам о выставке, экспонатами которой являются вещи, помогающие московским гастарбайтерам выжить вдалеке от родины (41). Таким образом, проявляется интерес к повседневной жизни мигрантов, а значит, делаются первые шаги к персонализации этого понятия в обществе и, следовательно, к дальнейшей трансформации содержания концепта «мигрант».

Экономическая сторона вопроса также не остается без внимания СМИ в этот период. Газета «Коммерсант» даёт свои оценки происходящему и приводит экспертные мнения по дискуссионному вопросу «нужны ли мигранты российской экономике?». Эксперты единодушно сходятся во мнении, что без мигрантов российской экономике не обойтись, и обращают внимание, что основная проблема заключается в том, что *«мы не умеем интегрировать мигрантов»* в современное российское общество (37). Словно отвечая на этот же вопрос, в региональной версии портала «Коммерсант» спустя несколько месяцев появляется корреспонденция *«Маршруточники агитируют за интернационал»*, в которой раскрывается призыв нижегородских частных перевозчиков вернуть водителей-мигрантов, число которых значительно сократилось после принятия закона, запрещающего мигрантам без российских прав работать водителями. *«В ассоциации (частных переводчиков прим.) считают, что ввод федеральной нормы в действие с 1 июня приведет к транспортному коллапсу и перетоку водителей из муниципальных транспортных предприятий в частные»*. В

публикации приводятся аргументы как сторонников нового закона, которые считают, что прекращение работы с нелегальными маршрутчиками повысит безопасность дорожного движения, так и людей, склоняющихся к тому, что работать с мигрантами экономически выгоднее (5).

Законы с подобным содержанием были приняты и в других субъектах федерации и вызвали широкий общественные резонанс. Например, на страницах «Газеты.ру» в публикации «Мигрантам меняют профессию» говорится: *«Власти Новосибирской области «в целях обеспечения национальной безопасности» заметно ограничили круг профессий для трудовых мигрантов. Перечень специальностей, которые до конца года будут недоступны для иностранцев, насчитывает 16 пунктов, в том числе это учитель, водитель, бухгалтер, финансист и даже переводчик»*. Как отмечает автор, нижегородцы отнеслись к законодательному акту с большой настороженностью. В публикации также приводятся комментарии-мнения, которыми граждане активно делятся в социальных сетях. Комментаторы недоумевают, целесообразен ли такой закон и насколько он адекватен для конкретных отраслей. Например, *«А как с китайским бизнесом по добыче березы в северном районе? — интересуется еще один комментатор. — Все? Накрылся! Ну, это было ожидаемо»*(19). Характерно, что «гастарбайтер» как негативный синоним существительного «мигрант» заменяется на нейтральное словосочетание «трудоустрой мигрант».

Трагические события в метро Санкт-Петербурга в апреле 2017 года вновь всколыхнули общественность и послужили поводом для множества откликов СМИ. Наряду с информационными сообщениями о случившемся, появляются и аналитические материалы, которые дают оценку царящим в обществе настроениям. В газете «Московский комсомолец» опубликована колонка *«Мигранты для битья»*, в котором Елизавета Александрова-Зорина пытается объяснить резонанс, произошедший в связи с терактом в Санкт-Петербургском метро, когда виновных начали в первую очередь искать среди мигрантов. *«Самые бесправные незащищенные люди — это мигранты и мертвецы. Для первых*

действует презумпция невиновности, и в глазах общественности они априори виноваты во всем, пока не докажут обратное. Вторые не могут ничего ответить на обвинения, на них можно списать любые преступления. А уж самые бесправные среди бесправных — это мёртвые мигранты». Журналист демонстрирует и то, в каких условиях часто вынуждены проживать мигранты в России и каким гонениям они часто подвергаются: *«Джалилова осудили и признали виновным без суда и следствия. (...) Но ему устроили настоящую посмертную травлю просто потому, что он азиат и подходит под представление о возможном террористе...».* «Козлы отпущения нужны всем» — резюмирует автор, и даёт понять, что несправедливо во всех бедах и проблемах винить мигрантов (2). Данный пример показывает, что в содержание концепта «мигрант» на данном этапе входят компоненты «бесправный», «жертва» (репрезентант — фразеологизм «козлы отпущения»).

Под заголовком *«Мигрантам не хватает защиты»* в газете «Ведомости» опубликованы данные «Левада-центра». Исходя из статистики, становится очевидно, что отношение к мигрантам среди россиян за 10 лет значительно ухудшилось: *«У каждого второго россиянина отмечается нетерпимое отношение к какой-либо категории трудовых мигрантов, другая половина опрошенных относится к ним толерантно (...) Хуже всего россияне относятся к мигрантам с Северного Кавказа и из стран Средней Азии, за 10 лет значительно выросла неприязнь к приезжим с Украины. При этом изменение отношения к мигрантам коррелирует с отношением россиян к государствам, откуда они выехали, т. е. «мигрантофобия» вызвана в том числе и политическими факторами»*(7).

В дискурсе СМИ появляется новый термин — мигрантофобия, который, на наш взгляд, достаточно исчерпывающе характеризуют царящие настроения в обществе. Портал TheVillage пытается ответить на вопрос *«Растёт ли мигрантофобия после теракта в петербургском метро?»*, привлекая мнение антрополога Сергея Абашина. Отвечая на актуальные вопросы журналиста,

учёный попытался объяснить последствия теракта и череду ложных обвинений людей, похожих внешне на мигрантов, и отметил рост национальной сознательности: «... это усилило очередную волну исламофобии: человек с характерными внешними чертами, которые обычно приписываются мусульманину, оказался жертвой публичной дискриминации и нападок. С другой стороны, большое количество людей в тех же социальных сетях выступили в защиту этого человека, увидели несправедливость в стигматизации религиозной внешности. Значит, есть в обществе не только страхи и стереотипы, которые вдруг актуализируются, но и что-то, позволяющее сопротивляться им — пусть и *постфактум*». Отвечая на вопрос «Кому и почему может быть выгодна мигрантофобия?» исследователь замечает: «Можно говорить о мигрантофобии как о системном, не только политическом явлении. Сохранение ксенофобии и мигрантофобии, а также репрессий и контроля в отношении мигрантов — это дополнительный инструмент их эксплуатации» (17). Но включение репрезентанта «мигрантофобия» в структуру концепта «мигрант» свидетельствует о рефлексии общества относительно этой проблемы.

Газета «Коммерсант» в публикации «Богатые тоже едут» отмечает, что в последние годы проблема миграции находится в центре внимания мировой общественности, но мигрируют не только бедные и обездоленные люди, но и владельцы миллионных и миллиардных состояний. Издание приводит статистику и инфографику, иллюстрирующую, сколько и куда иммигрировало состоятельных людей и обзорекает возможные причины «исхода миллионеров» (51). В обзоре «К черту эту Америку!» журналист Антон Болотов рассказывает о новом популярном веянии среди зрителей рунета — лайфстайл-блогах, из которых можно узнать о том, как живут жители бывшего СНГ в Америке. Автор обзорекает контент топовых блогеров, его особенности. Среди героев публикации люди разных возрастов и разного социального положения — школьники, люди с активной политической позицией, обычные рабочие и пр. (17)

На наш взгляд, эти примеры иллюстрируют тенденцию к дифференциации образа мигранта в СМИ и являются ещё одним подтверждением тому, что миграция бывает разной, и что мигранты — это не однородная безликая масса, опасная в общем числе.

Таким образом, несмотря на происходящие трагические события, в современных СМИ, освещающих тему миграции и мигрантов, проявляется рост аналитичности, что свидетельствует о постепенном снижении влияния на массовое сознание бытующих отрицательных культурных стереотипов в отношении мигрантов, формировании новых и трансформации концепта «мигрант», заключающейся в расширении его содержательного наполнения и насыщении новыми смыслами. Мигранты начинают признаваться полноценными членами общества, людьми с разнообразными сферами деятельности, профессиями, культурным опытом и убеждениями.

Выводы к главе II

Практически одновременно с появлением в научном обиходе термина «концепт» возникает и соответствующий научный инструмент — концептуальный анализ, который представляет собой систему специфических приемов. Главной целью концептуального анализа является выявление парадигмы культурно-значимых концептов и описание их содержательной структуры.

В современной науке исследователями разработано несколько методик концептуального анализа, которые варьируются в соответствии с предметом изысканий и конечной цели, а также от предполагаемой исследователем структуры концепта.

Концептуальный анализ позволяет объединить в себе языковую и культурную семантику слова, которая разграничена в связи с делением на языковую и концептуальную картины мира. Грамотное объединение лингвистического и культурологического подходов могут помочь в адекватном и

полном логическом анализе актуальных концептов в информационном пространстве, продуцируемом средствами массовой информации.

В ходе концептуального анализа, выявилось, что наиболее репрезентативной оказалась дистрибуция слова «мигрант» и его синонимов. Именно через набор частотных определений, употребляемых для характеристики репрезентантов концепта, раскрывалось понятие концепта «мигрант». В современных российских СМИ изучаемый концепт трансформировался под воздействием социально-политических изменений, меняя свое содержательное наполнение и языковые репрезентанты в соответствии с актуальной ситуацией. Идеологическая подоплёка таких изменений становится очевидной в соотнесении с разворачивающимися событиями в стране и мире.

По итогам анализа нами был выявлен ряд тенденций развития концепта «мигрант» в период с 2011 по 2017 год.

На начальном этапе ключевым репрезентантом концепта «мигрант» являлась лексема «гастарбайтер» — трудовой мигрант из стран бывшего СНГ, малограмотный, некомпетентный и склонный к криминальному поведению. Аналитические материалы были крайне малочисленными, публикации чаще всего представляли собой информационные заметки и криминальную хронику. Мигранты в подаче СМИ представляли как обезличенная масса, несущая потенциальную угрозу.

Период с 2013 года можно обозначить как начало переходной стадии от мигранта «Чужого» к мигранту «Другому». Понятийное поле концепта начинает включать определение «разный», чему способствовала начавшаяся общественная дискуссия.

Дальнейшая дифференциация концепта продолжилась с 2013 по 2015 год. Концепт «мигрант» расщепляется на два субконцепта, различающихся по содержательному наполнению и эмоциональной окраске — «мигрант с Украины» и «мигрант с Ближнего Востока». Таким образом, в массовом сознании формируются и стереотипы принимающих государств — гуманной России и

«мягкотелой» Европы, придерживающейся неэффективной миграционной политики.

В период с 2016 года наиболее явной становится связь между определениями «мигрант» — «мусульманин». В связи с произошедшими трагическими событиями, акцентирование внимания на религиозной компоненте усиливает межнациональную рознь и способствует усилению социальной напряженности. Тем не менее, усиление аналитической направленности публикаций: общество и СМИ начинают задаваться рядом вопросов, касающихся положения мигрантов в нашей стране. Таким образом, наблюдается социальная рефлексия, в дискурсе средств массовой информации появляется гуманистическое содержание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ключевые изменения, произошедшие в современной России с 1990-х годов прошлого века по настоящее время, включают в себя смену политического режима, а также ряд важных социальных и культурных преобразований. Всесторонняя демократизация и переход к глобальному информационному обществу усилили межнациональное взаимодействие, и процесс взаимопроникновения культур и ценностей начал проходить быстрее. Разворачивающиеся вооружённые конфликты и происходящие теракты спровоцировали социальную напряжённость. Развитие новых средств массовой коммуникации позволило молниеносно предавать свежую информацию, а также дало возможность открыто обсуждать сложившуюся ситуацию, в которой в том числе отражалось и отношение аудитории к представителям других культур. В таких условиях в обществе сформировался особый психологический климат, который можно охарактеризовать как настороженность по отношению ко всему «Чужому».

Концентратом новой информации о стремительно меняющемся окружающем мире являются такие когнитивные единицы, как концепт и стереотип. Именно они являются основными средствами репрезентации важной социокультурной информации. В ходе исследования появилась необходимость разграничить данные единицы, определить их соотношение, взаимовлияние, а также аксиологические особенности.

Концепт включает в свое поле все имеющиеся знания об объекте, он представляет собой схематичную раму из важных признаков и черт объекта, которая меняет свое наполнение с течением времени и в зависимости от особенностей реципиента. Основная функция концепта — когнитивная, так как эта единица может отражать не только индивидуальные, но и коллективные представления об объекте. Стереотип же по своей сути представляет собой фрагмент концепта — совокупность наиболее ярких и легко воспринимаемых черт

объекта. Концепты, как правило, амбивалентны, а у стереотипа же оценочность имеет вполне определённый и однозначный.

Стереотип отличается высоким уровнем схематизации и обобщённости и представляет собой функциональную единицу, которая участвует в формировании концепта и помогает закрепиться идеологемам в массовом сознании, - то есть строительным материалом, формирующим картину мира. Зачастую содержание стереотипа, в связи с высоким уровнем упрощённости, может оказаться далёким от истины. Многие актуальные культурные стереотипы построены на ключевой бинарной оппозиции «Свой — Чужой», а значит, помогают не только отличить привычные явления от новых и незнакомых, но и оценить их как «своё — чужое», «опасное — безопасное». Современные средства массовой информации транслируют культурные стереотипы, способствуя их закреплению в массовом сознании. Осознание этого факта позволяет идеологам использовать каналы СМИ как инструмент эффективного воздействия на широкую аудиторию, в том числе через трансляцию готовых и формирование новых культурных стереотипов. Так как данные единицы вбирают в себя основные отличительные черты представителя другой культуры — религиозные воззрения, национальный характер и культурные предпочтения, частое использование культурных стереотипов в средствах массовой информации может привести к опасным последствиям: вызвать рост социальной напряженности, разжечь межнациональную рознь и спровоцировать ксенофобские настроения.

Концептуальный анализ, как относительно новая форма исследований, позволяет выявить актуальные культурно-значимые концепты и описать его содержательное наполнение, которое напрямую зависит от происходящих общественных и политических изменений. Методики концептуального анализа варьируются в соответствии с предметом изысканий и конечной цели, а также от предполагаемой исследователем структуры концепта.

Для исследования динамики развития содержательного наполнения концепта «мигрант» целесообразным было использование метода анализа лексических парадигм, анализ лексической сочетаемости репрезентантов концепта «мигрант», а также анализ дискурса средств массовой информации.

В ходе концептуального анализа наиболее репрезентативной оказалась дистрибуция слова «мигрант» и его синонимов. Изучение контекстуальных связей показало, что именно через набор частотных определителей, употребляемых для характеристики репрезентантов концепта, раскрывалось понятие концепта «мигрант». Оценочная лексика, часто употребляющаяся в отношении мигрантов, оказывает существенное влияние на трансформацию данного концепта.

Изменяющаяся языковая репрезентация и происходящие трансформации концепта обусловлены происходящими социально-политическими изменениями. Их идеологическая подоплёка становится очевидной в соотнесении с событиями в стране, в том числе с постоянно протекающими процессами миграции.

На начальном этапе изучаемого периода ключевым репрезентантом концепта «мигрант» являлся гастарбайтер — трудовой мигрант из стран бывшего СНГ. Практически полное отсутствие аналитических материалов, а также использование негативно-окрашенной лексики формировали в общественном сознании отрицательный и ограниченный стереотипный образ трудового мигранта.

На следующем этапе содержание концепта начинает расширяться: период с 2013 года можно обозначить как начало переходной стадии от мигранта «чужого» к мигранту «другому». Понятийное поле концепта начинает включать определение «разный», чему способствовала начавшаяся общественная дискуссия и рост аналитизма публикаций.

На основе произведённого анализа, в российских СМИ с 2013 по 2015 год нами было выделено два субконцепта в структуре концепта «мигрант», различающихся по содержательному наполнению и эмоциональной окраске. В список частотных определителей концепта «мигрант с Украины» в указанный

период входят: «беженец», «вынужденный», «обездоленный», «бегущий от войны», «квалифицированные специалисты», «братья», «славяне», «соседи», «переселенцы». Субконцепт «Мигрант из Ближнего Востока», напротив, характеризуют определения: «озлобленные», «презрительные», «дерзкие», «небрежные», «обнаглевшие», «опасные», «преступные», «неквалифицированные», «нелегальные». Таким образом, в массовом сознании через формирование стереотипов о мигрантах формируются и стереотипы о принимающих государствах.

Учитывая тот факт, что в современном обществе средства массовой информации играют колоссальную роль в формировании картины мира, возрастает и уровень ответственности журналиста перед аудиторией и перед объектом, которой он изображает. В ходе анализа было выявлено, что зачастую, отражая тему миграции, СМИ допускают не только трансляцию бытующих культурных стереотипов, но и стимулируют формирование в массовом сознании новых крайне обобщённых и примитивных образов мигранта. Проявились и случаи пренебрежения этическими принципами журналиста — беспочвенные обвинения героев публикации в совершенных преступлениях, использование агрессивной негативно окрашенной лексики, акцентирование и вынесение в заголовки национальной принадлежности и религиозных воззрений объекта репрезентации без явных оснований. Следует подчеркнуть, что подобные публикации могут усиливать ксенофобские настроения и способствовать межнациональным конфликтам, что недопустимо и неэтично.

В период с 2016 года в структуре концепта «мигрант» закрепляется определение «мусульманин». В связи с произошедшими террористическими актами, акцентирование внимания на религиозной компоненте, усиливает межнациональную рознь и провоцирует рост социальной напряжённости. При этом наиболее ярким определителем общественного настроения становится появившееся в СМИ определение «мигрантофобия». Уже сама попытка анализа происходящих социальных изменений говорит о том, что общество и СМИ

начинают задаваться рядом вопросов, касающихся положения мигрантов в нашей стране. Для данного этапа характерна тенденция дифференциации мигрантов — в СМИ появляются сообщения не только о мигрантах-«гастарбайтерах». Активно обсуждается и возможная польза, которую могут принести вынужденные переселенцы для страны. Общество начинает осознавать, что неправомерно во всех имеющихся проблемах винить мигрантов.

Подводя итоги, можем сделать вывод о том, что содержательное наполнение концепта «мигрант» в российских СМИ трансформировалось в соответствии с происходящими социально-политическими изменениями в России и мире в течение всего изученного периода и продолжает трансформироваться. На наш взгляд, это обусловлено тем, что стереотипизация образа мигранта, во-первых, является защитной реакцией на вызовы стремительно меняющегося мира, а во-вторых, зачастую плоскость, в которой отражается изучаемый концепт, продиктована идеологически. Безусловно, это работает на защиту интересов социума и государства. Однако, опираясь на выявленные качественные изменения, мы можем заметить, что в условиях функционирования глобального общества бинарная оппозиция «Свой — Чужой» себя исчерпала — она является одномерной и не удовлетворяет требованиям объективного и всестороннего освещения проблемы миграции. Следовательно, культурные стереотипы, построенные на этой оппозиции, зачастую являются ложными и опасными. Современное российское общество осознаёт, что мигрант может быть не только «Чужой», но и «Другой», то есть признать его отличия, принять их и уважать их, а также обрести объективное представление о том, что среди мигрантов есть разные люди, не прикрываться псевдотолерантностью, а стремиться к истинной толерантности, не исключая возможности защиты собственных прав.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 2013 год в СМИ. Главные события в России [Электронный ресурс] //Алёна Баянова; «Однако» — 2013; — <http://www.odnako.org/blogs/2013-god-v-smi-glavnie-sobitiya-v-rossii/>
2. Александрова-Зорина Е. Мигранты для битвы [Электронный ресурс]/ Александрова-Зорина Е. // Московский комсомолец, 07.04.2017. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/social/2017/04/07/migranty-dlya-bitya.html>
3. Амирджанян М. Украинских беженцев могут пристроить на Дальний Восток [Электронный ресурс]/Амирджанян М // Известия? 20/11/2014 – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/579659>
4. Арестован мигрант, побивший полицейского в центре Москвы [Электронный ресурс] // «Росбалт», 23.03.17. — Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2017/03/23/1601345.html>
5. Аристова Л. Маршруточники агитируют за интернационал [Электронный ресурс] /Аристова Л.// «Коммерсант», 04.04.2017. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3261183>
6. Асламова Д. Оккупацию из Европы мигрантами спонсируют из США[Электронный ресурс]/Асламова Д. //Комсомольская правда, 22.09.2015 – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/26429/3302184/>
7. Асламова Д. Светопреставление в Старом Свете: Европу захлестнули полчища алчных мигрантов[Электронный ресурс] /Асламова Д. //Комсомольская Правда, 25.08.15 – Режим доступа: http://best.kp.ru/msk/europe_migrants/
8. Баринов В. В половине новогодних преступлений замешаны гастарбайтеры [Электронный ресурс]/ Баринов В. //Известия, 11.01.2013. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/542712>

9. Беженцам с Украины оплатят переезд к российским родственникам [Электронный ресурс] // Российский диалог, 13.08.14. — Режим доступа: https://www.rusdialog.ru/news/2570_1407909853
10. Болотов А. К чёрту Америку! [Электронный ресурс] /Болотов А. //Lenta.ru, 20.08.16. — Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2016/08/20/vlogersusa/>
11. В Липецкой области мигрант напал на пожилую женщину [Электронный ресурс] // «Московский Комсомолец», 29.03.17. — Режим доступа: <http://chr.mk.ru/articles/2017/03/29/v-lipeckoy-oblasti-migrant-napal-na-pozhiluyu-zhenshhinu.html>
12. В Финляндии за сутки изнасилованы две школьницы: в преступлениях подозревают мигрантов [Электронный ресурс] // Newsru.com, 27.11.2015. — Режим доступа: <http://www.newsru.com/crime/27nov2015/migrntrape2grlfin.html>
13. В Швеции мигранты-мусульмане до смерти забили гея, пожертвовавшего им одежду и еду [Электронный ресурс]// Newsru.com, 27.05.14. —Режим доступа: <http://www.newsru.com/crime/18dec2015/swee.html><http://www.newsru.com/crime/18dec2015/swee.html>
14. Варламова И. Квартира для Кати [Электронный ресурс]/Варламова И. // «Российская Газета», 29.10.2015 — Режим доступа:<https://rg.ru/2015/10/29/risunok.html>
15. Векки Д. Франциск омывает ноги мигрантам. Истории этих 12 беженцев [Электронный ресурс]/Векки Д // Иносми, 26.03.16– Режим доступа: <https://inosmi.ru/social/20160326/235873197.html>
16. Воробьева Т. В Екатеринбурге мигрант убил женщину за отказ знакомиться [Электронный ресурс]/ Воробьева Т.// «Российская газета», 29.05.2017. — Режим доступа: <https://rg.ru/2017/05/29/reg-urfo/migrant-ubil-zhenshchinu-za-otkaz-znakomitsia.html>
17. Галкина Ю. Растёт ли мигрантофобия после теракта петербургском метро? [Электронный ресурс]/Галкина Ю. //TheVillage, 27.04.17 — Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/city/city-interview/264372-migrantofobia>

18. Гастарбайтер из Молдавии задержан в Нижнем Новгороде за убийство [Электронный ресурс] // ИА Регнум, 18.04.12. — Режим доступа: <https://regnum.ru/news/accidents/1522277.html>
19. Громов А. Мигрантам меняют профессию [Электронный ресурс] / Громов А. // «Газета.ru», 15.08.2016. — Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2016/08/15/10130321.shtml>
20. Для мигрантов русские женщины — объекты сексуального насилия [Электронный ресурс] // КМ.ru, 28.09.2011. — Режим доступа: <http://www.km.ru/v-rossii/2011/09/28/rusofobiya-vrossii/dlya-migrantov-russkie-zhenshchiny-obekty-seksualnogo-nasili>
21. Емельяненко В. 7 вопросов Сафару Самиеву, продавцу с рынка [Электронный ресурс] / Емельяненко В. // «Русский Репортёр», 05.02.2015. — Режим доступа: <http://www.rusrep.ru/article/2015/02/05/7-voprosov-safaru-samievu-prodavtsu-s-ryinka/>
22. За год на территорию России прибыли более миллиона украинцев [Электронный ресурс] // Российская газета, 13.11.2015. — Режим доступа: <https://rg.ru/2015/11/13/ukraintsi-anons.html>
23. Задержанный за разбой мигрант заявил о ненависти к «зажравшимся москвичам» [Электронный ресурс] // Lenta.ru, 02.04.2013. — Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2013/04/02/migrant/>
24. Зверинцева Т. Где в России всем страшнее [Электронный ресурс] / Зверинцева Т. // Lenta.ru, 06.04.2013. — Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2013/04/06/crime/>
25. Звонова С. Волгоградец подозревается в экстремизме за неонацистские посты в Сети [Электронный ресурс] / Звонова С. // «Московский Комсомолец», 27.01.17. — Режим доступа: <http://volg.mk.ru/articles/2017/01/27/volgogradec-podozrevaetsya-v-ekstremizme-za-neonacistские-posty-v-seti.html>
26. Ильин А. В Германии мигрант изнасиловал молодую немку на глазах ее парня [Электронный ресурс] // Newsru.com, 10.04.2017. — Режим доступа:

<http://www.mk.ru/incident/2017/04/10/v-germanii-migrant-iznasiloval-moloduyu-nemku-na-glazakh-ee-parnya.html>

27. Каледина А. Мигранты поддержали демографию [Электронный ресурс] /Каледина А.// «Известия», 19.08.2006. — Режим доступа: <http://iz.ru/news/627869>
28. Карпенко О. Как и чему угрожают мигранты? Языковые игры в «гостей с юга» и их последствия // Миграция и национальное государство / Под ред. Бараулиной Т. и Карпенко О. СПб: ЦНСИ, 2004. С. 62—84.
29. Кармаев С. Нашествие беженцев: миграционный кризис в Европе пополняется новыми скандалами [Электронный ресурс]/Кармаев С. //Вести.ru, 31.08.2015. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2658477>
30. Клинецвич: теракты в Париже - результат плохой миграционной политики [Электронный ресурс] // РИА Новости, 14.11.2015. — Режим доступа: <https://ria.ru/world/20151114/1320233775.html>
31. Лонская А. На чёрной-чёрной улице стоит чёрная-чёрная школа... [Электронный ресурс] //Лонская А. // Русский репортёр, 12.01.2012. – Режим доступа: <http://www.rusrep.ru/article/2012/01/18/school>
32. Лукас. Э. Ну почему, почему мы не слушали восточных европейцев? [Электронный ресурс]/ Лукас Э.// «Иносми», 27.05.24. — Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20140527/220608963.html>
33. Марокканский мигрант планировал теракт у посольства России в Германии [Электронный ресурс] // Лента.ru, 10.04.17. — Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2017/04/10/migrant/>
34. Моисеев В. Не грози шашлычнику, покуривая на крыльце «Очага» [Электронный ресурс]/Моисеев В.// «Русский Репортёр», 17.12.2013. — Режим доступа: <http://www.rusrep.ru/article/2013/12/17/arzamas/>
35. Мусульмане в Финляндии потеснили православных [Электронный ресурс] // Newsru.com, 12.11.2015. — Режим доступа: <http://www.newsru.com/religy/12nov2015/finmusortho.html>

36. Мухаметшина Е. Отношение к мигрантам в России ухудшается – «Левада-центр» [Электронный ресурс] / Мухаметшина Е. // «Ведомости», 27.04.2017. — Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/04/28/687871-otnoshenie-migrantam-uhudshaetsya>
37. Мюнхен в осаде: полиция ищет преступников, обстрелявших торговый центр [Электронный ресурс] // РИА Новости, 23.07.16. — Режим доступа: <https://ria.ru/world/20160723/1472688405.html>
38. Нужны ли мигранты российской экономике? [Электронный ресурс] // Коммерсант.ru, 05.12.2016 — Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/3143399>
39. Отток мигрантов назвали угрозой для экономики России [Электронный ресурс] // Lenta.ru, 11.04.2017. — Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2017/04/11/migrant/>
40. Почему москвичи не любят мигрантов [Электронный ресурс] // TheVillage, 10.09.2014. — Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/city/situation/164627-migranty-na-strelke>
41. Радзиховский Л. Беспокойный год [Электронный ресурс] / Радзиховский Т. // «Российская газета», 26.12.2016. — Режим доступа: <https://rg.ru/2016/12/26/leonid-radzihovskij-globalizaciia-obrechena-rasshiriatsia-i-uglubliatsia.html>
42. Руков К. «Москвабад»: как интегрируются мигранты. [Электронный ресурс] / Руков К. // Сноб.ru, 19.12.2016. — Режим доступа: <https://snob.ru/selected/entry/118224>
43. Сапун А. История развития интернет-СМИ в России [Электронный ресурс] // «Дни.Ру», 01.08.16. — Режим доступа: <https://www.dni.ru/academ/2016/8/1/347408.html>
44. Сергей Михеев: Мигранты с Украины нам еще пригодятся [Электронный ресурс] // деловая газета «Взгляд», 05.10.15 — Режим доступа: <https://vz.ru/opinions/2015/10/5/770463.html>

- 45.**СК: Каждое второе изнасилование в Москве совершили мигранты. [Электронный ресурс] //РИА Новости.ru, 20.07.2011. — Режим доступа: <https://ria.ru/moscow/20110720/404421865.html>
- 46.**Смертельно опасно. Проблемы в Бирюлево заметили только после убийства [Электронный ресурс] // Аргументы и факты, 16.10.2013. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/society/law/947796>
- 47.**Топ-10: Главные мировые события 2014 года [Электронный ресурс] //Pravda.ru — 2014; — https://www.pravda.ru/world/24-12-2014/1241436-top_2014-0/
- 48.**ФМС: Граждане Таджикистана нарушают закон чаще других мигрантов [Электронный ресурс]// РИА Новости, 10.11.2011. –Режим доступа: <https://ria.ru/society/20111110/485713265.html>
- 49.**Хаминский А. Арабодизиак – лекарство от европейского бессилия. Побочные эффекты: Гитлер [Электронный ресурс] /Хаминский А. // «Сноб», 13.01.16. — Режим доступа: <https://snob.ru/profile/29950/blog/103157>
- 50.**Цесьлевска А. Москвабад [Электронный ресурс]/ Цесьлевска А.// «Иносми», 17.06.2013. — Режим доступа: <http://inosmi.ru/russia/20130617/210047967.html>
- 51.**Шамир И. Разборки в Бирюлёво [Электронный ресурс]/Шамир И. // Комсомольская правда, 15.10.2013. — Режим доступа: <http://www.nnov.kp.ru/daily/26145/3035041/>
- 52.**Шкуренко О. Богатые тоже едут [Электронный ресурс] /Шкуренко О. // «Коммерсант», 07.04.2017. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3266506>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авраамов Д. С. Профессиональная этика журналиста: Учебное пособие. - М.: Мысль, 1999.
2. Агеев В. С, Как разрушить ложные стереотипы? Современные реальности процессов общения, М, 1989.
3. Алиева Л. А, К проблеме психологического анализа национальных стереотипов, Этнопсихологические проблемы развития личности, Баку, 1985.
4. Акопян Н. А. СМИ как фактор формирования стереотипов в молодежной среде: автореферат диссертации. кандидат. социол. наук. Майкоп, 2010. 24 с.
5. КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sredstv-massovoy-informatsii-v-formirovanii-steretipov-massovogo-soznaniya>
6. Арутюнов С. А, Обычай, ритуал, традиции, Советская этнография, № 2, М., 1981.
7. Арутюнов С. А, Этнографическая наука и изучение культурной динамики, Исследования по общей этнографии, М, 1979.
8. Бажутина Т. О, Стереотипы русской психологии: поиск духовных оснований общественного развития, Изв. СО РАН, История, филология и философия, Новосибирск, 1993.
9. Байбурин А. К. Этнические стереотипы поведения, Общественные науки № 2, М, 1986.
10. Балицкий А. Г, Сабурова Л. А, Социальные стереотипы и социальная саморегуляция, Философия истории: диалог культур, М, 1989.
11. Барт Ролан, Мифологии, М, 1996.
12. Бахтин М.М. Слово в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 230 с.
13. Безродная А.Ю. Различие понятий: концепт и идеологема//Вестник

14. Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 3 (24). – С. 138 – 145
15. Блумер Г., Коллективное поведение, в сб. Психология масс (перепечатано: Американская социологическая мысль, М., 1994), Самара, 1998.
16. Бодалев А. А., Формирование понятия о другом человеке как личности, Л., 1970.
17. Болдырев, Н.Н. Концепт и значение слова [Текст] / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. — Воронеж, 2001.— С.25-45
18. Ботвинник М., Послесловие: Мифологический словарь, М., 1994.
19. Бромлей Ю. В., К вопросу о влиянии особенностей культурной среды на психику, Советская этнография, № 3, 1983.
20. Бромлей Ю. В., Этнос и этнография, М., 1973.
21. Быстракова Т. С., Роль стереотипа в формировании и функционировании религиозного сознания, Проблемы структуры и функционирования общественного сознания, Челябинск, 1986.
22. Васильева Т. Е., Стереотипы в общественном сознании: (социально-философские аспекты), Науч.-аналит. обзор, АН СССР. ИНИОН, М., 1988.
23. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая // Понимание культур через посредство ключевых слов. - М., 1999
24. Вунд Вильгельм, Элементы психологии народов. Основные черты психологической истории развития человечества, СПб, 1913.
25. Выготский Л. С., Мышление и речь, Избр. Соч., т. 2, М., 1982.
26. Гачев Г. К., Европейские образы Пространства и Времени, Культура, человек и картина мира, М., 1987.
27. Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации [Текст]: учебник для вузов / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с.

28. Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901881384>
29. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. М, 1994.-№4. -С. 17-33.
30. Дубинин И. И., Гусякова Л. Г., Динамика обыденного сознания, Минск, 1985.
31. Дюркгейм Эмиль, Социология: Ее предмет, метод, предназначение, пер. с фр. Гофмана А. Б., М., 1995.
32. Егорова-Гантман Е., Плешаков К., Концепция образа и стереотипа в международных отношениях, Мировая экономика и международные отношения, № 12, М., 1988.
33. Еремин Ю. В., Манипулирование сознанием молодежи в буржуазной пропаганде, Науч. Докл. Высш. Шк. Науч. Коммунизма, № 1, М., 1985.
34. Замалеев А. Ф., Три лика России, Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев, С.-Пб., 1991.
35. Звегинцев В. А., Язык и знание, Вопросы философии, № 1, М., 1882.
36. Злобин Н. С., Культура и общественный прогресс, М., 1980.
37. Исхаков Р. Л. Освещение трудовой миграции в российских средствах массовой информации (образ гастарбайтера в ленте информационных агентств) / Р. Л. Исхаков, А. Н. Старостин, Н. В. Шадрин // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2015. — № 1 (135). — С. 33-49.
38. Карасик И.В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Вологда., 2002
39. Карбовский Ж., Стереотип как феномен сознания, Сознание и знание, М., 1984.

40. Кожемякин Е. А. Дискурс-анализ в современном гуманитарном знании [Текст] I Е. Кожемякин II Человек. Сообщество. Управление. — 2006. — №3. — С. 25—40.
41. Кон И. С., Психология предрассудка, Новый мир, № 9, 1966.
42. Кондратенко Г. М., Вопросы теории печати в свете социальной психологии, Вопросы теории и практики массовых форм пропаганды, вып. 1, М., 1968.
43. Кордуэлл М. — Психология. А — Я. Словарь-справочник / Пер. с англ. К.С. Ткаченко. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000, 448 с.
44. Коробов В. К., Метастереотипам в диалоге культур, Философия истории: диалог культур, М., 1989.
45. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира/ отв. ред. В.А. Серебрянников. М.: Наука, 1988. С. 141-172.
46. Кубрякова, Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память / Е.С. Кубрякова. Логический анализ языка. Культурные концепты / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М., 2008. С. 85-91.
47. Купина Н.А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. Вып. 1. / РАН
48. Кэмпбелл Джозеф, Герой с тысячью лицами: миф, архитип, бессознательное, Киев, 1997.
49. Лавлинский, Р.А. «Социальные стереотипы и средства массовой информации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/24_NTP_2009/Philosophia/50433.doc.htm.
50. Липпман У. Общественное мнение. /Пер. с англ. Т.В. Барчуновой Редакторы перевода К.А. Левинсон, К.В. Петренко. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. — 384 с.
51. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Академия, 1997. С. 280–287.

52. Лобас В. В., Никоненко В. Н., Стереотипы мышления и поведения: сущность и преодоление, Тернополь, 1988.
53. Лотман Ю. М., Актуальные проблемы семиотики и культуры, Тарту, 1987.
54. Лотман Ю. М., О семиосфере, в: Структура диалога как принцип работы семиотического механизма, Ученые записки Тартуского государственного университета, выпуск 641, Тарту, 1984.
55. Лотман Ю. М., Символ в системе культуры, Тарту, 1987.
56. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т.1. Таллинн, Александра, 1992.
57. Малышева Е.Г. Идеологема как лингво-культурный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика [Гл. ред. А.П. Чудинов]. — Омск: Омский государственный университет, 2009. Вып. 2 (28). С. 76-86.
58. Маркарян Э. С., Узловые проблемы теории традиции, Советская этнография, № 2, М., 1981.
59. Марков Б.В. Демократия и Интернет// Информационное общество. М.: АСТ, 2000. Вып. 6. С. 43-47.
60. Мельник, Г.С. Mass-media: психологические процессы и эффекты / Г.С. Мельник. – СПб., 1996. – 19 с.
61. Гришин В.И. Миграционный кризис в Европе / [В. И. Гришин, О. А. Гришина, В. В. Кондрашов и др.]; под ред. А. П. Кошкина. – Москва: РЭУ, 2016. - 91 с.
62. Миграция и национальное государство / Под ред. Бараулиной Т., Карпенко О. СПб.: ЦНСИ, 2004. 216 с.
63. Нахимова Е. А. Прецедентные омонимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования: моногр. / Урал.гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2011.
64. Никитина 1991 Никитина С. Е. О концептуальном анализе в народной культуре // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 117-123.

65. Николаева Т. М. Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука, 2000. – С. 112-131
66. Орлова Э. А., Культурная (социальная) антропология: Учебное пособие для вузов. — М., 2004. — 480 с.
67. Пименова, М. В. Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе: коллективная монография / М. В. Пименова // Ментальность и язык; отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово, 2006. – (Концептуальные исследования; вып. 7).
68. Попова З.Д, Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
69. Полонский А.В. Современный медиадискурс: ключевые идеи и слова [Текст] / А.В. Полонский // Русский язык в современном медиапространстве. – Белгород, 2009. – С. 151-160.
70. Полонский А.В. Медиа – дискурс – концепт: опыт проблемного осмысления [Электронный ресурс] // Современный дискурс-анализ. 2012. № 6. Режим доступа — <http://www.discourseanalysis.org/ada6/st43.shtml>.
71. Радтке, Ф.О. Между дерегуляцией и дискриминацией. Дилемма немецкого социального государства в обращении с иммиграцией [Текст] / Ф.О. Радтке // Миграции и национальное государство / под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб: ЦНСИ, 2004. – С. 174-200
72. Рахимбергенова М. Х. Лингвокогнитивные стратегии отражения образа этнически "чужого" в российской прессе: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Рахимбергенова Майра Хаджимуратовна; [Место защиты: Ур.гос. пед. ун-т]. - Екатеринбург, 2008. - 192 с. РГБ ОД, 61:08-10/124
73. Рябцева, Н.К. «Вопрос»: прототипическое значение концепта / Н.К. Рябцева // Логический анализ языка. Культурные концепты / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. – С. 72-78.

74. Рязанцев С. Трудовая миграция в России в условиях интеграции в Евразийское экономическое сообщество [Электронный ресурс] //Экономический портал – Режим доступа: <http://institutiones.com/general/1060-trudovaya-migraciya-v-rossii.html>
75. Сорокина Н.В. Национальные стереотипы в иноязычном образовании. – М.: Инфра-М, РИОР, 2015. – 214 с.
76. Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы: коллективная монография/ под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. — Белгород: ИД «Белгород», 2016. — 244 с.
77. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. — 824 с.
78. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2002. 191 с.
79. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Издательство политической литературы, 1989.
80. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты Текст. / В.Н. Телия. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 288 с.
81. Токарев, Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «труд» в русском языке) Текст. / Г.В. Токарев. — Волгоград: Перемена, 2003. — 232 с.
82. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», 25 июля 2002 года N 115-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.12.2016).
83. Федеральный закон № 97-ФЗ от 5 мая 2014 года «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“», 5 мая 2014 года N 97-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.02.2017).

- 84.** Фельде, В. Г. Соотношение понятий «терпимость» и «толерантность» [Текст] / В. Г. Фельде // Омский научный вестник. Сер. О-во. История. Современность. – Омск, 2012. – № 4(111). – С. 155-158
- 85.** Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. / Р. Харрис М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002 - 326 с.
- 86.** Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/vliyanie-sredstv-massovoi-informatsii-na-formirovanie-elektoralnykh-predpochtenii-rossiiskik#ixzz4kWyHtfRG>
- 87.** Шейгал Е. И., Арачкова Е.С. Тезаурусные связи и структура концепта: Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2002. Вып. 2.
- 88.** Шенделева Е.А. Полевой подход к анализу образного строя языка: модели лингвистической интерпретации // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс русистов-исследователей. (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 13-16 марта 2001): Труды и материалы / Под общей редакцией М.Л. Ремнёвой и А.А. Поликарпова. М.: Изд-во МГУ, 2001. С.22-23
- 89.** Kaikkonen P. Kulttuurienvälinenoppiminenjakasvatus. Teoksessa K. Matinheikki-Kokko (toim.) Monikulttiurinenkoulutus. Perusteitajakokemuksia. Helsinki: Opetushallitus, 1999. P. 17—29.
- 90.** Lehtonen Jaakko. Globalization, National Cultures, and the Paradox of Intercultural Competence //viesti.jyu.fi/laitos/lehtonen/globalization.html Retrieved. 2003, December 2.
- 91.** Tomson T. Z. Ideology and policy. The political uses et doctrine in the Soviet Union. SanFrancisco; London, 1989. P. 5.